

**Игорь Бестужев**

## **НЕМЕЦКИЕ ПЛАНЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЕВРОПЫ 1939-45 ГГ.**

---

*Европа не создается ни интеллектом, ни мечом;  
она рождается. Ф. Кюль*

*Великой державой следует считать такую державу,  
которая может противостоять соединенным силам  
всех прочих держав. Л. фон Ранке*

*Движение не ограничивается рамками народа,  
в котором оно возникло, оно распространяется  
на другие народы и видоизменяется в зависимости  
от их особенностей. Но народ, в котором оно возникло,  
остаётся лидером в этом круге народов. Э. Крик*

*Единая Европа возможна будет только тогда,  
когда последний американский солдат  
в Европе будет убит или взят в плен. Ж. Тириар*

Многочисленные проекты и планы объединения Европы, занимающие умы мировых политиков целые десятилетия, имеют самую различную природу. Каждая группа политиков преследует при этом собственные стратегические цели. Особым усердием отличаются «атлантисты», – авторы слияния европейских стран в сверхгосударство с либеральной экономикой и открытыми границами. Такое объединение, независимо от технических деталей устройства, обречено на управление гигантскими межнациональными монополиями и банковскими союзами. Национальные различия, прежде всего в юридическом смысле, сведутся к минимуму. Ни о каком доминировании европейских наций не будет речи. Очевидно, Европа при таком порядке в сравнительно короткое время заполнится азиатами, африканцами и арабами, если не китайцами. Об общем культурно-историческом наследии и едином индоевропейском происхождении народов континента придется забыть навсегда.

Как всякий радикальный проект, он должен иметь противоположную по смыслу конструкцию. Такого рода планы редко воплощаются в политической истории народов. Но они указывают реальные пределы возможного в исторической практике, и потому должны быть изучены независимо от того, кто и когда работал над их осуществлением. Важны солидность обоснования и качество разработки. С этих позиций заслуживает внимания опыт идеологических организаций и служб национал-социалистической Германии, учитывая интеллектуальный уровень и серьезную научную репутацию разработчиков этих проектов.

История Европы дает немало ориентиров, следуя которым возможно определить перспективные пути сближения европейских государств. Священная Римская Империя, охватившая в своем неравномерном развитии огромный период с 962 по 1806 год, стала прообразом континентального состояния, к которому стремились европейские консерваторы с середины XIX века до наших дней. Это межгосударственное образование коренным образом отличалось от крупнейших империй нового времени – британской и русской. Замкнутая в континентальных границах, /в отличие от британской империи/, допускавшая значительную децентрализацию составных частей, /сравнительно с империей, созданной Петром Великим/, Священная Римская Империя была первой, не до конца осознанной попыткой объединить Европу в геополитическое целое. Династические браки долгое время скрепляли континент надежнее искусственных идеологических схем, с помощью которых современные политики атлантической ориентации пытаются придать ему единый облик.

В этом древнем образовании Германия занимала особое место не только фактом завоевания Италии Оттоном I, положившим начало Империи, но прежде всего благодаря ведущей роли германцев в организации имперской жизни в дальнейшем. Немецкие племена внесли существенный вклад в построение французской, английской, а в более широком смысле – северно-европейской и даже восточнославянской государственности /до сих пор в исторической науке находит место гипотеза об участии прусских элементов в «призвании варягов» на Русь/.

Проектированием «новой Европы» в национал-социалистической Германии занимались несколько ведомств: идеологические службы Розенберга, руководящие структуры СС, МИД Германии, имперское министерство экономики и т.д. Первоначальные усилия в этом направлении еще до прихода партии к власти предпринял уроженец Ревеля, сын немца и эстонки Альфред Розенберг. В 1917г. он окончил Высшую техническую школу в Москве и до февраля 1918 года жил в России, сочувствуя большевикам.<sup>1</sup> В 1920г. Розенберг сблизился с Гитлером, вступил в НСДАП и участвовал в «пивном путче» 1923г. Наряду с Максом Шойбнер-Рихтером он был одним из двух «русских немцев», оказавших сильное влияние на будущего фюрера, но в отличие от православного, монар-

---

<sup>1</sup> Высшую техническую школу А. Розенберг закончил в Риге. В Москве, после семи лет учебы, Розенберг защитил диплом архитектора в Московском университете у проф. Клейна, сдав более 40 экзаменов. В московский период Розенберг проживал в Сходне. В свободное время много рисовал на природе. Первая жена Розенберга Хильда преподавала ритмическую гимнастику в Санкт-Петербурге. К большевикам Розенберг с самого начала относился враждебно, опасаясь за свою свободу. «Если бы я принял решение ехать в Москву на 20 дней позже, я бы навсегда остался в Советской России, сгинул бы там навсегда...». [Прим. ред. сайта. Источник: А. Розенберг. Последние записи. 1945-1946. Нюрнберг]

хически настроенного Шойбнер-Рихтера, Розенберг всегда занимал антихристианскую позицию, а после знакомства с национальным составом руководства Советской России превратился в яростного борца с большевизмом и «мировым еврейством». В 1933 году он возглавил внешнеполитическое управление НСДАП и до конца войны был уполномоченным Гитлера по вопросам мировоззрения в партии, занимая ряд других постов, связанных с воспитанием населения.

Европейскую идею национал-социализма Розенберг начал разрабатывать еще в 20-е годы, предложив разделить сферы мирового влияния с Британской империей. Поясняя смысл своей деятельности по объединению Европы на судебном процессе в Нюрнберге /1946г./, он сказал: «Национал-социализм был европейским ответом на вопросы, поставленные нашим столетием». В общих чертах концепция «новой Европы» сложилась у Розенберга в первой половине 30-х годов. Первый шаг на пути сближения европейских народов заключался, по его мнению, в бескомпромиссной борьбе с большевизмом. Взгляды Розенберга сразу же подверглись критике со стороны тех, кто считал нереальным союз с Англией, предлагая разобраться с СССР только после решающих ударов по крупным европейским странам. В дальнейшем это противостояние не ограничивалось областью геополитики, но обрело идеологический характер. Те, кто противостоял партийным теоретикам, руководствовались практической целесообразностью, прежде всего экономического свойства /Риббентроп, Геринг, министр экономики В. Функ.../.

В преддверии широкомасштабной войны на континенте вопрос о наилучшей организации европейской территории после ее завершения приобрел для немецких политиков особую актуальность. С 1939 года он оказался в центре внимания идеологов НСДАП. Основой дискуссии послужили опубликованные в первой половине года работы крупного немецкого правоведа Карла Шмитта, первым в фашистской Германии сформулировавшего положение о великом пространстве, как субъекте международного права, идущем на смену государству, или союзу государств. При этом Шмитт обращал внимание на ряд пунктов американской доктрины Монро /1823г./, пригодных, по его мнению, для перенесения на европейскую почву в интересах намечавшегося «нового порядка». Он поддерживал идею разумного территориального разграничения с запрещением проникновения «пространственно чуждых сил» в сферу исторически сложившегося влияния крупных государств, без права «идеологического вмешательства во всем мире».

Хотя Шмитт отводил рейху роль политического руководителя великого пространства в Европе, представители биополитического направления в национал-социализме – В. Бест, Р. Хён, В. Штуккарт, В. Дайц... критиковали его построения. Видный юрист – руководитель административно-правового управления имперской службы безопасности Вернер Бест противопоставил международно-

правовому принципу организации великого пространства, предложенному Шмиттом, принцип народной организации /объединенной одной расой народов/. Один из ведущих расологов Германии, статс-секретарь министерства внутренних дел, доктор права Вильгельм Штуккарт считал «правильно понимаемую доктрину Монро в меньшей степени географической идеологией, чем выражением расово-биологических факторов». Директор Института государственных наук при Берлинском университете, профессор Райнхардт Хён упрекал Карла Шмитта в распространении на государство принципов либерального индивидуализма. В итоге великое пространство превращалось у Шмитта в фальшивую конструкцию – простое географическое понятие, в империалистическое, а потому агрессивное и нестабильное образование, способное лишь механически абсорбировать народы различных рас и континентов, доказывал Хён.

Основательные разработки европейской объединительной идеи содержались в выступлениях и трудах главы отдела по решению социальных задач внешнеполитического бюро НСДАП, философа Вернера Дайца – ближайшего сотрудника Розенберга. В ходе мировой войны Дайц развивал и уточнял свои теории в соответствии с военно-политической обстановкой, искусно сопрягая их с психологическими изменениями в общественных кругах Европы. Подлинное великое пространство, учил он, не может быть организовано искусственным возведением географических или геополитических конструкций или насильственными действиями других пространств с их чуждой биологической субстанцией /расовым составом народов/. В отличие от мнимого /фальшивого/ великого пространства подлинное является «естественным жизненным пространством семьи народов,... получая характер, размеры и форму от своей биологической субстанции. То же относится к малому жизненному пространству одного народа. Тем самым народность и семья народов – единственный первоисточник политических, экономических, культурных и правовых форм в малом и великом жизненных пространствах».

Это определение, лежащее в основе всех построений В. Дайца вплоть до падения рейха, вытекало из признания безусловного превосходства народного суверенитета над государственным. Национал-социалистский теоретик доказывал ущербность основанного на либеральных принципах государственного суверенитета, порождающего систему международных отношений, постоянно генерирующих напряженность и мировые войны. Напротив, биологический принцип народного суверенитета, доказывал Дайц, породит межгосударственную систему, не стремящуюся к захвату чужих пространств и покорению народов с иным расовым составом. Тогда неизбежен переход от постоянных войн к вечному и счастливому миру. Подлинно жизненное пространство абсолютно невосприимчиво к вмешательству пространственно чуждых сил. Его невозможно завоевать

на длительное время, а тем более покорить. В сущности, предлагалось устройство «многополярного» мира почти в современном смысле.

Эти парадоксальные выводы Дайц подтверждал открытыми им законами, создающими оптимальные условия жизни семьи народов. Согласно закону автаркии всякая организация жизни становится жизнеспособной, когда она существует исключительно за счет собственной силы и своего пространства. Из закона автаркии вытекал закон перерождения и вырождения, в соответствии с которым «семья народов не может на длительное время покинуть свое жизненное пространство, чтобы не обрекать себя на перерождение и гибель». – Фактическое запрещение экспансии в чужую семью народов будет содействовать всеобщему умиротворению. Дайц выдвинул лозунг права семьи народов на самоопределение, как «фундамент нового мирового порядка». Он насчитал шесть великих жизненных пространств, уже находящихся в процессе возникновения:

- европейской семьи народов;
- восточно-азиатской;
- индийско-малайской;
- народов черной расы;
- североамериканское;
- Южная Америка.

В. Дайц отметил, что эти великие пространства естественно распадаются на три пары, в каждой из которых южная часть идеально дополняет северную. Восточно-азиатское и индийско-малайское пространства вместе составляют Великую Восточную Азию, европейское и африканское – Великую Европу, два американских – Великую Америку. Прийти к «новому мировому порядку» можно, только воплощая принцип самоопределения семей народов. – «Америка – американцам», «Восточная Азия – восточноазиатам», «Европа – европейцам». Вторая мировая война, по мнению ученого, и ведется с целью реализации этого права, т.е. в интересах огромного большинства народов мира.

При анализе внушительной концепции В. Дайца не плодотворно предвзятое отношение к ее расово-этническим мотивам. Только история разрешит спор между сторонниками повального смешения народов и приверженцами их разумного географического разграничения. Будущее Европы выявит преимущества одного из путей: безудержного новаторства или строгой традиции. Острота политического противостояния не позволит довольствоваться никого не устраивающей серединой. Не следует также отождествлять гипотетические схемы философа с реальной политикой, проводившейся в Германии по приказу одного человека.

Их подлинный смысл не меняется от искажений, которому они подверглись на практике. Многие просто не было реализовано. Нужно учесть и то, что изощренные теоретики, вроде Дайца и Р. Хёна, придавали расширительный смысл термину «раса». С самого начала в «семью народов Европы» были внесены далеко отстоящие от «арийцев» народы финно-угорской группы – венгры, финны. Постепенно освобождалось место в будущем содружестве и для восточноевропейцев. Не только прибалты, но и белорусы, украинцы и русские не рассматривались ответственными немецкими учеными той поры как представители «низшей расы».

Вернер Дайц дальше других теоретиков НСДАП продвинулся в интуитивном познании общественных законов, в годы войны заложив основы учения о государственно-политическом значении жизненного пространства. Фальшивый хаос суверенных государств, типичный для либерального мира, биополитик заменил идеей европейской семьи народов-планет, поставив народную идею национал-социализма во главе преобразовательного процесса в Европе. Обсуждая эту тему, следует иметь в виду, что у планировщиков объединенной Европы XXI века не больше правовых оснований для умаления суверенитета отдельных государств, чем их было у немецких теоретиков.

Из биологического качества, пояснял Дайц, природа создала три общности людей – отдельную семью, народную семью /народность/ и семью народов. Эта политико-биологическая реальность подчинена ряду сформулированных ученым законов жизни. Европейская семья народов возникла под воздействием природного закона биологической гравитации, согласно которому отдельные люди объединяются в семью, семьи в народную общность и народности в семью народов. Вследствие выполнения каждым элементом системы положенной ему задачи, в народной общности, как и в отдельной семье, нет и не может быть насилия со стороны вождей, поскольку женская часть народа свободно и добровольно подчиняется мужской его части – вождям. Следуя традиции, идущей со времен Бисмарка, Дайц делил европейские народы на мужские и женские. Первые являются активными людьми движения, вторые – статическими людьми, требующими над собой руководства. У каждой группы свои особые функции и задачи. Смешение групп нежелательно, так как противоречит порядкам природы. С другой стороны, невозможно существование одной группы без другой. Поэтому бессмысленно судить о том, какие народы важнее. Для семьи народов существенно одно – сохранить себя как единую целостную систему. Хотя Дайц не заострял на этом внимания, немецкие теоретики, как правило, относили славян к женским народам, а народы германской группы – к мужским.

Используя биополитические построения, ученый создал стройную логическую систему. Как и в общностях первых двух уровней, в семье народов нет диктата

и произвола. Все народы свободны и суверенны. Их место в семье народов определяется исключительно собственной производительностью и вкладом в общее дело. Народ с наибольшим весом составляет ядро системы. Вокруг него, как вокруг солнца, вращаются остальные народы. Это устройство Дайц противопоставил двум распространенным видам насилия – автократическому и демократическому. Первое осуществляется в жёстко централизованном /классовом/ государстве, второе – в либеральных системах. Крупнейшим достижением режима за шесть предвоенных лет нацистские идеологи считали преобразование немецкого народа в единую народную общность, в которой вместо классов существуют мужские и женские элементы. Такой строй Дайц назвал «естественной демократией». То, что немецкие биополитики считали Германию отцом семейства европейских народов, означало большее, чем субъективный выбор абстрактных теоретиков. Ведь они представляли нацию, имевшую исторический опыт и определенные возможности воплотить в жизнь эти идеи.

Дополнительно к природному закону гравитации, действующему только внутри биологической общности, Дайц сформулировал ещё четыре закона жизни, действие которых проявляется в её отношениях с внешним миром. Распространив закон автаркии на европейскую семью народов, Дайц назвал достаточным жизненным пространством для нее как минимум всю Европу /другие биополитики включали сюда дополнительно Африку и северную часть азиатского континента, вплоть до Охотского и Берингова морей/. Воссоздание самодостаточной целостности Европы рассматривалось как первостепенная задача рейха, поскольку со времен великого переселения народов, а затем эпохи географических открытий, фальшивые великопространственные связки привели к размыванию образа жизни европейских народов, считал Дайц. На Западе возобладали чуждые идеи либеральной демократии, парламентаризма, мирового хозяйства. На Востоке – идеи, привнесенные извне монголо-татарами, царизмом, большевизмом. Появление в этом ряду «царизма» не случайно. В Германии его считали разновидностью деспотических византийских порядков.

Восстановление подлинного жизненного пространства, полагал Дайц, означает возврат к истинному укладу жизни европейских народов. Закон образа жизни гласит: только тот народ /семья народов/ добивается максимального расцвета и независимости, который достигает автаркии на основе собственного образа жизни. Его нельзя передать другому народу, так как дело идет о сложном взаимодействии определенных биологических качеств с конкретным пространством. Из этого закона вытекало право каждого европейского народа на жизненное пространство и суверенитет. По мнению Дайца, исключение составляли лишь цыгане и евреи, как не поддающиеся изменению чужеродные включения. Выполнение закона образа жизни ставило перед национал-социалистами задачу

«европеизировать Восточную Европу», вновь создать из мужских и женских народов биологически здоровую, единую европейскую семью.

Нарушение установленной автаркии вызывает действие закона перерождения и вырождения. Его суть: если члены одной семьи народов на длительное время проникнут в жизненное пространство другой семьи народов, их ожидает глубокая трансформация и гибель, ибо силы крови и почвы нового мира рано или поздно уничтожат агрессора. В пример приводилась массовая эмиграция европейцев в Америку, Австралию и Южную Африку в XVI-XIX веках, приведшая к тому, что на новом месте их биологическая субстанция полностью переродилась, и они превратились в американцев, австралийцев, южноафриканцев. В результате возникли совершенно новые народы, в пространственном и расовом отношении чуждые европейским.

В основе четвертого – биологического нравственного закона Дайца лежит неразделимая биологическая сплоченность отдельной семьи, семьи народа и семьи народов, выраженная в известном нацистском лозунге: «Общее благо выше корыстолюбия» /под последним понимался и «нездоровый эгоизм членов семьи народов»/. Так этические нормы национал-социализма распространялись на весь европейский континент. В. Дайц писал: «Народ и государство, /в том числе Германия! – И.Б./, не обладают неограниченным суверенитетом, они должны интегрироваться в более широкий суверенитет семьи народов». Вернер Бест занимал более жесткую позицию. Обсуждая возможность переселения отдельных народов внутри семьи, он пояснял, что организация великого пространства равнозначна формированию отношений между наполняющими его народами. В таком же духе рассуждал В. Штуккарт. Выступая в марте 1942г. на учредительном конгрессе Международной академии государственных и управленческих наук, он заявил, что XX век – это время семей народов и потому на повестке дня стоит вопрос об устранении государственного разобщения в пользу сообщества народов Европы. Но подобная реорганизация невозможна без «управления, несущего ответственность за пространство». Имелась в виду руководящая роль Германии в утверждении «нового порядка».

Ведущие биополитики подчеркивали стабилизирующую роль расового фактора в процессе становления единой общности. В каждом народе существуют верхние и нижние слои, утверждал В. Дайц. Под влиянием происходящего в немецком биологическом круговороте, часть верхних слоев постоянно выпадает в осадок – материнское лоно народности, чтобы со временем восстановиться там для нового подъема. Этот нормальный процесс нарушается, если нижние слои народа, и, прежде всего, опустившиеся сверху, начнут пропитываться расово чуждыми элементами. Тогда может возникнуть гибридный слой, способный выделять собственные верхние слои с потенциальной угрозой самому существова-



нию руководящего слоя. С ним соглашался В. Бест: «Будущее за тем народом, которому принадлежит самый нижний слой населения».

Однако в теории Дайца отсутствовало разделение на «низшие» и «высшие» расы. Все шесть великих жизненных пространства признавались равноценными, но «расово чуждыми» друг другу.

В 1939-42гг. в рейхе тщательно изучали различные европейские народы под углом определения места каждого из них в новой Европе. Так участники всегерманского совещания историков /октябрь 1942/ обсуждали доклады о специфических чертах крупных /немецкого, английского, французского, итальянского, русского/ и малых /балкано-дунайских, скандинавских и др./ народов, подчёркивая необходимость опоры на «сильные» народы в процессе преобразования континента. По мнению этих историков, только они способны к самоуправлению. Управление же слабыми народами более обременительно, так как требуют привлечения дополнительного административного персонала. Конкретизировалась выдвинутая годом раньше схема В. Беста, предусматривавшая формирование союзного, надзорного и правительственного или колониального управления. В этом заключалась «европейская миссия Германии».

Не случайно с октября 1939г. в Германии под началом Гимmlера действовал Имперский комиссариат по укреплению немецкой народности, занимавшийся теоретической и практической разработкой проблемы. Наряду с вопросами гражданства в пределах рейха, а затем в присоединенных и оккупированных областях, идеологические службы рейхсфюрера СС решали фундаментальные вопросы исторического наследия европейских народов. В 1933г., сразу после прихода к власти национал-социалистов в Германии было создано «Немецкое общество по изучению и наследию предков» /«Аненэрбе»/, а через два года ему поручили изучать все, что касалось «духа, деяний, традиций, отличительных черт и наследия «индогерманской нордической расы». В 1937г. общество было введено в состав СС. Его генеральным секретарем стал антрополог Вольфрам Зиверс, осужденный в 1946г. по сомнительному обвинению на смертную казнь американским судом. Привлеченные к исследованиям немецкие ученые, ведущие германские университеты и научные институты вышли за рамки официальной доктрины, изолировавшей немецкую народность от других этнических частей индоевропейской общности, включая ее восточные ветви. Был собран обширный научный материал, исследованы раскопки древних поселений Германии, курганы на Украине, древние манускрипты и антиквариат Тибета, Китая, Индии. Воззрения многих вовлеченных в круги СС интеллектуалов были далеки от принятых мировоззренческих стандартов. Например, консервативный еврейский философ Мартин Бубер дружил с идеологом «Аненэрбе» Фридрихом Хильшером. Эта исследовательская организация не ограничилась узко-германской

пропагандой, но стояла за единую Европу, разделенную на частично автономные национальные регионы, без подчеркнутой роли этнических немцев. Организация приобрела международный характер. В нее входили представители азиатских и ближневосточных народов, арабы, турки, тибетцы... В экономической сфере отрицались все капиталистические основы общественного устройства – плутократия, финансовый либерализм, свободный рынок и т. д.

Поверхностные представления об СС, только как главном карательном органе III рейха, утверждены в общественном мнении кругами, незнаемыми со сложной структурой и многосторонней деятельностью этой организации, или искажающими правду из пропагандистских соображений. Двенадцать главных управлений СС занимались самыми разнообразными вопросами, от сугубо идеологических до военно-организационных, связанных с набором и обучением войск – СС /Waffen-SS/. Соединения, охраняющие концлагеря, составляли небольшую часть этой «империи», к тому же неоднородную по человеческим качествам своего персонала. Что касается войск СС, то в целом они были, по выражению исследователя К. Семёнова, «солдаты как все», с кодексом чести, типичным для воюющих сторон.

Высокую по меркам авторитарного государства меру свободомыслия демонстрировала газета руководства СС «Дас шварце корпс» /«Черный корпус»/. Широкая популярность газеты /редактор Гюнтер д'Алкуен/ объяснялась достаточно высоким уровнем публикаций. В народе ее считали единственной оппозиционной газетой. «Черный корпус» систематически критиковал партийных аппаратчиков, коррупционеров и чиновных махинаторов /показательно, что членство в партии не было обязательным условием приема в СС, и ряд видных эсэсовцев не состоял в НСДАП/. В январе 1937г. газета писала: «После спада революции возникает опасность оцепенения... Одним из выводов является необходимость появления новой формы оппозиции». Когда летом 1935г. мюнхенские нацисты били витрины еврейских магазинов, «Черный корпус» писал: «Еврейский вопрос является одной из жгучих проблем нашего народа, но он не может быть решен уличным террором». Полиции газета рекомендовала не злоупотреблять понятием «враг государства», предлагая «проанализировать статистику обвинений, основанную на сведениях личных счетов и доносов». Неудивительно, что многие читатели доверяли газете, которую партийные функционеры время от времени обвиняли в «очернении действительности». Однако глава службы безопасности рейха /СД/ Р. Гейдрих лично покровительствовал «Черному корпусу», защищая его от нападок.

Вскоре Гейдриху удалось собрать у себя в службе группу молодых интеллектуалов, поставивших целью «улучшение национал-социализма». Их объединяло представление о том, что строгая дисциплина и личная самоотверженность смо-

гут поднять отечество на новую высоту, и убеждение в приоритете государственной власти над правами граждан. Готовность к принятию диктатуры росла по мере того, как на глазах немцев завершалась социальная катастрофа, вызванная позорным для нации и преступным по канонам международного права «Версалем». В их сознании укоренилось представление о виновности международных концернов и банков, нажившихся на войне и поражении Германии. В результате молодые немцы считали необходимым придать «разумный характер» новому порядку в рейхе, диктатуру одного человека сделать рациональной, а саму национал-социалистическую революцию – соответствующей основным правилам человеческого общежития и, возможно, – образцом для Европы. На деле эти интеллектуалы столкнулись с внутривластной борьбой за власть и вытеснением нового слоя государственных бюрократов.

Тут они узнали о создании в структуре СС /1933г./ организации, поставившей задачу вскрывать и исправлять возникшие в государстве недостатки. Этим и занялся Отто Олендорф, приглашенный Гейдрихом на службу в СД по рекомендации начальника отдела службы безопасности, профессора права Райнхарда Хёна. Олендорф, как и Хён, считались критически мыслящими людьми. Оба до этого уже отстранялись от преподавания в научных институтах за свободомыслие. Чуть раньше в организации были приняты молодые ученые-юристы Вернер Бест и Херберт Мельхорн. Каждый приглашал в СД друзей и знакомых, так что в отделе Хёна скоро появились: профессор литературы и доктор философии Хельмут Кнохен, доктора права Франц Зикс и Хайнц Йост, дипломированный инженер, доктор Вильгельм Альберт. Все они вскоре заняли высокие посты в службе безопасности, а еще один представитель молодой элиты, талантливый правовед-государственник Вальтер Шелленберг со временем стал руководить иностранной разведкой, сменив репрессированного В. Канариса.

После 1936 года Хёна, Олендорфа и Беста уволили с должностей, связанных с идеологической работой, за чрезмерный либерализм. Два последних возглавили новые отделы в созданном в 1939 году Главном управлении имперской безопасности /РСХА/. Райнхард Хён вернулся к профессорской деятельности. Для нашей темы важно, что Бест, Хён и Х. Кнохен в конце 30-х годов активизировали разработку основ и попытки реализовать планы европейского объединения, прежде всего на опыте Франции.

В сентябре 1939г. по инициативе Вернера Дайца было основано Общество европейского экономического планирования и великопротранственной экономики. Доверенное лицо рейхслайтера Розенберга, член имперского экономического совета НСДАП с 1931 года, с большими связями в промышленно-финансовых кругах, Дайц принадлежал к узкому кругу разработчиков внешнеэкономической концепции партии. С апреля 1933г. он возглавлял отдел внешней торговли, а

после 1936г.- отдел по решению специальных задач внешнеполитического бюро НСДАП. Его публикации с пропагандой биополитических идей европейского единства широко распространялись в Германии. Даже Соппротивление использовало их в пропагандистских целях.

В. Дайц стал председателем правления и президентом совета Общества и сформировал все его органы, в том числе научный и экономический советы, совет по вопросам культуры – всего около пятидесяти человек. Членами президиума совета Общества стали 15 высокопоставленных чиновников. Среди них: Г. Бакке /имперское министерство сельского хозяйства/, Р. Фрайслер /мин-во юстиции/, Штуккарт /МВД/, В. Кляйнман /мин-во транспорта/, Г. Мус /Гос. управление территориального планирования/, Ф. Зыруп /мин-во труда/, имперский руководитель спорта фон Чаммер унд Остен, Вернер Бест /РСХА/, референт фюрера В. Меервальд. Другие видные фигуры: заместитель Геббельса в министерстве пропаганды Л. Гуттерер, один из руководителей ведомства Геринга по выполнению 4-х летнего плана В. Марецке, вице-адмирал О. Гроос /верховное командование вермахта – ОКВ/, генеральный директор калийного синдиката А. Дин, К. Зельцер /Национальный трудовой фронт/, президент Прусской академии наук Т. Фален.

Представление о политическом весе участников дает фигура еще одного члена президиума – Герберта Хунке. Впечатляет перечисление его постов: советник по экономике берлинской организации НСДАП, президент рекламного совета германской экономики, основатель партийного экономического журнала «Ди дойче фольксвиртшафт», зав. Отделом зарубежных стран в министерстве информации и пропаганды, профессор, руководитель отдела экономической и социальной политики в Немецкой высшей политической школе, член правления «Дойче банк».

Экономический совет Общества возглавляли Дайц и Дин. Научный совет, руководимый профессором Фаленом и директором Института мирового хозяйства при Кильском университете А. Прёделем, состоял из известных ученых. В их числе: член Академии немецкого права Карл Шмитт, директор Института Средней Европы В. Лёрх, ректор Высшей торговой школы в Кёнигсберге Э. Шон, директор Института государственных наук при Берлинском университете Райнхардт Хён.

Таким образом, через Общество, представлявшее собой корпорацию первоклассных экспертов НСДАП, правительства, вооруженных сил, полиции, монополистического капитала и академической науки, Дайц получил доступ практически во все партийно-правительственные инстанции рейха, кроме МИДа, воз-

главлявшегося конкурентом Розенберга по объединительным проектам Риббентропом.

Все крупные мировые агентства, в том числе ТАСС, выделили сообщение об организации Общества, объявившего своими целями «планомерно поощрять экономическое и культурное сотрудничество народов и государств европейского великого пространства путем исследования различных основ их жизни, народно-хозяйственных структур и возникающих отсюда возможностей взаимного дополнения». Предполагалось сформулировать политическую идею «нового естественного европейского единства» от Атлантики до Урала и от Нордкапа до острова Кипр, со сферами влияния, простирающимися в глубины Северной Азии и Африки. Немалое место руководители общества отводили борьбе против Англии и других врагов рейха. При этом творчески использовались некоторые идеи преобразования Европы, предлагавшиеся в 1914-15 годах Пангерманским Союзом при поддержке ведущих промышленников – Г. Стиннеса и А. Тиссена.

Другой вариант «нового европейского порядка» отстаивал Срединноевропейский экономический совет, в котором господствующие позиции занимали «Дойче банк» и крупнейшее химическое объединение «И.Г. Фарбениндустри». Они предлагали обеспечить экономическое преобладание Германии в духе памятных записок 1914г. В. Ратенау, не путем аннексий, государственного планирования и управления континентальной экономикой, а посредством установления экономического господства немецких монополий в европейских странах. Основная разработка с опорой на исторические традиции Европы в сочетании с романтическим ореолом неизведанного пути придавали планам Общества Дайца привлекательный вид в сравнении с традиционным империалистическим подходом Срединноевропейского экономического совета. Однако к началу 1942 года решительные действия промышленной группы сорвали все попытки воплотить в европейскую действительность проекты Дайца.

Но первые два года прошли в плодотворной работе. Выполнение заказов Общества европейского планирования исследовательскими институтами гарантировалось распоряжением имперского министра образования Б. Руста по договоренности с Розенбергом. Теснейшие деловые связи сложились у Общества с Институтом мирового хозяйства /профессор Прёдель/ – единственным в своем роде исследовательским заведением рейха. Институт разрабатывал теоретические модели экономического переустройства Европы и мира, выдавал текущие рекомендации, предлагал планы на далекую перспективу. 1 сентября 1939г., в первый день мировой войны Институт в письме начальнику военно-экономического штаба ОКВ генералу Г. Томасу заявил о готовности выполнять поручения штаба и во время войны передал ему сотни тысяч документов о повышении военного потенциала Германии за счет нейтральных и оккупированных стран.

Среди авторов отчетов, ежегодников, сборников, предоставленных Обществу, – представители многих германских университетов, высших технических школ, госстатуправления, специализированных институтов, ведомств и служб. Все они учитывали разъяснение Вернера Дайца: «Если мы хотим руководить экономикой Европы, что является абсолютно необходимым и произойдет в результате экономического упрочения европейского континента, как ядра белой расы, то мы по понятным причинам не должны открыто заявлять об этом, как о германской великопространственной экономике. Мы всегда должны говорить только о Европе, поскольку германское руководство является само собой разумеющимся вследствие политического, экономического, культурного, технического влияния Германии и ее географического положения». Первым иностранцем – почетным членом Общества Дайца стал итальянский журналист К. Скарфольо, автор популярной книги «Англия и континент», утверждавший, что эта страна присоединится к социальной общности новой Европы, или погибнет. В. Дайц был хорошо знаком со многими руководителями пронацистских группировок в европейских странах и привлекал их к совместной работе. Долгое время он настойчиво, но безрезультатно добивался создания специального имперского комиссариата в Германии по вопросам европейской великопространственной экономики.

Это было следствием резко обострившейся с июня 1940г. борьбы в рейхе за право руководить программами «нового экономического порядка». Еще до оккупации Франции в Вене возникло быстро набравшее вес Общество Юго-Восточной Европы – филиал министерства экономики Германии – конкурента внешнеполитического бюро НСДАП Розенберга. Министр Функ, наряду с Риббентропом и Герингом, представлял круги, не разделявшие биополитический подход к европейским проблемам. Новое общество занялось вопросами германского проникновения на Балканы экономическими методами. В годы войны оно вместе со Срединноевропейским экономическим союзом разрабатывало проекты вовлечения этой группы стран в европейскую великопространственную экономику. В. Дайц пытался поставить Общество под свой контроль через координатора проекта Прёделя, работавшего на разных «хозяев», но получил очередной отпор.

Однако нацистские ортодоксы – Розенберг, Гиммлер, Гесс, Вальтер Дарре – сторонники ярко выраженного идеологического подхода, доказывали необходимость партийного руководства экономическими процессами. Дайц и Хунке ввели в научный оборот термин «политическая экономика». Г. Хунке писал: «В семье порядок диктует отец, в народе – вождь, а в мире – сильнейший... Национал-социалистическая немецкая экономика, как политически руководимая экономика, подобно солнцу, вошла в жизнь европейских народов и будет ими управлять в их планетном движении». В. Дайц пояснял: «Действительное сообщество тру-

да возможно лишь у людей и народов одной крови и одной и той же почвы». Вернер Дайц представлял собой тип ученого, не менявшего убеждения из-за перемены политической ситуации. Еще до прихода партии к власти он в своем гамбургском журнале «Экономическая служба национал-социалистов» поддерживал критику крупного капитала, которую вели Грегор Штрассер и Готфрид Федер. Противостояние по этим вопросам с представителями крупнейших германских монополий в политическом руководстве рейха продолжалось вплоть до его падения и принимало порой резкие формы.

Имперский министр экономики Вальтер Функ и его заместитель Г. Шлотерер, уполномоченные Герингом возглавить работу по формированию великопространственной европейской экономики, перешли в наступление. В июле 1940г. под председательством Функа прошло важное совещание руководителей министерств и ведомств. На нем резко критиковались идеи Дайца и директора Немецкого института по изучению конъюнктуры профессора Вагемана. Функ назвал «фантазией» разговоры о Европе как о едином великом экономическом пространстве. Затем он запретил своим указом всем подразделениям имперской хозяйственной палаты сотрудничество с Обществом Дайца. В августе на заседании межведомственного торгово-политического комитета с участием высоких должностных лиц МИД, ОКВ, министерств экономики, финансов, сельского хозяйства, Рейхсбанка и других служб В. Дайцу запретили «публичную пропаганду ради осуществления его идей» и призвали Общество ограничиться научно-исследовательскими работами.

Таким способом были упрочены позиции традиционно тяготеющей к международным связям финансово-промышленной корпорации внутри Германии. Идеям «народного капитализма» пришлось отступить. Один из основателей НСДАП, самобытный экономист Г. Федер, автор антикапиталистической программы и теории «процентного рабства» к этому времени был «забыт». Но борьба продолжилась в других формах. Как раз в это время в опалу попали два крупнейших представителя монополистического капитала. Оба в свое время сыграли видную роль в приходе Гитлера к власти, обеспечив ему поддержку германских монополий, но затем обратились в «протестантов». В начале 1940г. был лишен германского гражданства эмигрировавший в Швейцарию, а затем помещенный в концлагерь до конца войны Фриц Тиссен. В январе 1939г. потерял пост президента Рейхсбанка, а через три года – должность имперского министра без портфеля и, наконец, арестованный за связь с участниками заговора против Гитлера, Ялмар Шахт. Вальтер Функ и его попечители действовали осмотрительней, но их родство с потерявшими доверие коллегами проявилось в агрессивном неприятии первоначальных идей партии о превосходства труда над капиталом.

Теперь же Дайца вынуждали ограничиться научными исследованиями. Когда он все же приступил к созданию экономических советов своего Общества в немецких землях, последовал удар с другой стороны. М. Борман от имени партийной канцелярии в резком тоне потребовал прекратить эту деятельность. В феврале 1941г. усилиями Дайца был основан в Дрездене Центральный исследовательский институт организации национальной и великопространственной экономики – первое в рейхе научное учреждение, занимавшееся проблемой экономической реорганизации Европы с позиций национал-социалистического мировоззрения. Крупный взнос в период становления Института внес Фонд Адольфа Гитлера, поступили деньги от Имперского продовольственного сословия /министр В. Дарре/, Народного Трудового Фронта /рейхсляйтер Роберт Лей/, от некоторых монополий и банков. Однако Рейхсбанк /президент Функ/ отказался финансировать новый Институт. Отношения с «прагматиками» осложнились после публичного выступления В. Дайца, осуждавшего воззрения в партии и государстве «с позиций мгновенной полезности» и подтвердившего идеологический подход с опорой на незыблемость закона автаркии.

1 октября 1941г с помощью В. Функа был создан конкурирующий с Институтом Дайца Институт великопространственной экономики при Гейдельбергском университете во главе с профессором В. Томсом. Внутренняя борьба с участием высших руководителей партии /Розенберг, Гесс, Борман.../ свидетельствовала о накоплении в НСДАП мировоззренческих различий по вопросам «новой Европы», обнаружившихся уже в начале мировой войны. Тогда Розенбергу не удалось стать уполномоченным фюрера по вопросам обеспечения национал-социалистического мировоззрения. Этот планировавшийся им пост позволил бы взять под контроль объединительные процессы в Европе. Все же видную роль в оформлении идей о новой Европе сыграл возникший перед вторжением в СССР Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга для оккупированных территорий. Вопреки распространенному мнению, деятельность Штаба далеко не ограничивалась конфискацией культурных ценностей. Это был орган идеологической войны. К 1943 году он стал автономной частью розенберговской «империи», занимаясь в основном европейской проблематикой. Начальник Штаба Г. Утикаль писал: «Заключаемое с Западом соглашение не может распространяться на идеологических противников национал-социализма... Мы будем требовать бескомпромиссного продолжения борьбы против евреев и масонов. Их окончательное устранение было и остается первой предпосылкой образования новой Европы». Для выполнения своих задач рабочие группы Штаба сразу же завладели уникальными архивами и богатыми библиотеками крупнейших городов Европы. Среди них бесценные рукописные фонды и специализированная библиотека Международного института социальной истории в Амстердаме, содержащая не предназначенные для всеобщего обозрения материалы о конспиративных организациях во всем мире.



В апреле 1941г. руководитель СД Р. Гейдрих, имевший подходящие кадры в своей службе, безуспешно пытался перехватить у розенберговского Штаба инициативу по «научной разработке идеологического противника». Проекты Розенберга и Дайца первой половины 30-х годов, оживленные изысканиями последних лет, легли в основу новой схемы действий в Европе. По планам А. Розенберга национал-социалисты должны были взять под свою защиту всю территорию, на которой в древности проживали индогерманцы, и с которой они по разным причинам должны были уйти. В середине 1940г. он рассуждал в главной партийной газете «Фелькишер беобахтер» о необходимости для «великогерманского объединения нордических народов» войти в контакт с народами Юго-Восточной Европы. В итоге, по его словам, возникнет «симбиоз... т.е. общность труда для удовлетворения потребностей совершенно различных рас и народов. Без сомнения, это новый европейский поворот и путь к самостоятельной экономике Европы».

С начала войны аппарат Розенберга разрабатывал пути включения СССР в систему «нового европейского порядка». Крупными специалистами по этим вопросам в его службах были выходцы из России – Г. Лейббрандт и А. Шикеданц. Первый еще летом 1939г. направил в рейхсканцелярию меморандум «Восточно-европейские вопросы», рекомендуя создать после оккупации Польши подконтрольные рейху государственные образования на землях украинцев и западных белорусов. Они должны были стать первыми элементами «великого жизненного пространства» на территории СССР. Кроме изготовления документов и материалов по Советскому Союзу зав. отделом Восточной Европы во внешнеполитическом ведомстве НСДАП Лейббрандт осуществлял политическое руководство берлинской газетой белоэмигрантов «Новое слово» и готовил кадры гражданской администрации для подлежащих захвату областей СССР. Символичным было прекращение деятельности в Германии курируемой Й. Геббельсом организации «Антикоминтерн» в августе 1939г., за четыре года до ликвидации Коминтерна. Ее журнал «Ди акцион» ориентировался теперь на проблемы «новой Европы».

За месяц до вторжения в СССР Гитлер назначил Розенберга уполномоченным по централизованному решению проблем восточного пространства, а в июне – министров восточных оккупированных территорий. Рейхсляйтер получил новые возможности для реализации своих европейских идей. Уже через месяц В. Дайц в статье «Восточная Европа – образ жизни и аграрные отношения» предлагал, уничтожив большевизм, восстановить естественный образ жизни славянских народов и, возрождая крестьянский мир, приспособить его к потребностям «новой Европы». Тогда с утверждением народного суверенитета славян появится возможность «соединить в соответствии с законами жизни Западную и Восточную Европы в живую целостность». «Сочетание глухого коллективистского рит-

ма народов Востока и звонкой индивидуалистической мелодии вождизма Западной Европы, творческое дополнение русского образа жизни немецким биополитическим руководством превратит новый европейский порядок» в реальность», – писал Дайц.

Это были первые наброски социально-экономического переустройства оккупированных территорий СССР, воплотившиеся в феврале 1942г. в закон о новом аграрном порядке. Очевидно, что подобные мероприятия учитывали не только неизбежный факт эксплуатации завоеванных земель, но также необходимость организации жизни народов, приближающейся к общепринятым нормам. В июле 1941г. в Германии пропагандировалась статья В. Дайца «Рейх как идея европейской организации». В ней рассматривалась структура новой Европы и перечислялись основные функции ее составных частей. Возрождение традиционного уклада жизни в каждой части континента, их взаимодействие и взаимодополнение обязательно повлекут, считал Дайц, биополитический поворот Западной Европы на Восток с последующим подключением восточноевропейского пространства к общеконтинентальному «новому порядку». Розенберг резче формулировал свою позицию в этот период: «Старый мир противостоит нам в формах демократии и большевизма. Но Германия стала единственным гарантом велико-европейской идеи. Вся Европа мобилизуется на борьбу против Востока». Позднее он добавил к своему плану: «Это послужит и благу всех народов Востока».

После нападения на СССР Оперативный штаб Розенберга развил бурную деятельность. Ее вели три рабочие группы Восточного отдела – «Остланд», «Центр», «Украина» и особая группа «Наука», руководимая Г. Хэртле. В этой группе сосредоточились крупные силы немецкой профессуры. Книгу Хэртле «Идеологические основания большевизма» называли в рейхе основным пособием для его «духовного подавления». Руководители служб Розенберга исходили из идеи биополитической целостности обеих частей европейского континента в духе известной с середины 30-х годов концепции «сознательного европеизма». Так обозначалась европейская солидарность под главенством рейха, готовилась политическая и социально-экономическая база для коллаборационизма. Несмотря на помехи соперничавших ведомств, Розенберг, используя занимаемые им государственные и партийные посты в идеологической сфере, все активнее пытался распространить сферу своего влияния на оккупированные страны Западной Европы.

Главным объектом для создания собственных филиалов, независимых от других партийно-правительственных учреждений, не случайно была выбрана Франция. В немецкой прессе сотрудничество Германии и Франции называли первой опорой строящегося «нового европейского дома». Это подкреплялось весомыми историческими соображениями. Эксперты подчеркивали особую роль древне-

германского племени франков в образовании Франции. В общеевропейском процессе имперского строительства, начиная с X века, это государство из-за своего географического положения и традиций играло особую роль, поставляя императоров и претендентов на престолы в различные европейские дворы. Постепенное разложение Священной Империи затронуло все европейские державы.

Со времен буржуазной революции XVIII века монархическая Франция стремительно превращалась в либерально-демократическое государство. Через столетие политический писатель Эдуард Дрюмон синтезировал происшедшие радикальные перемены, назвав свое государство «еврейской Францией», как символом окончательного разрыва с богатыми имперскими традициями. Франция издавна была преимущественно католической, но тогда же немецкий социолог Макс Вебер и его ученик Вернер Зомбарт связали расцвет капитализма с подавляющим влиянием евреев, трансформировавших протестантский дух в идеологию культа денег и в немецкоязычных странах. В 1898 г. Дрюмон создал «Лигу французских патриотов» во главе с рядом видных литераторов /М. Баррес, Ф. Брюнетьер, Жюль Леметр, Ф. Коппе, к которым вскоре присоединились Жюль Верн, Пьер Луис, Ф. Мистраль и другие/. Хотя Лига существовала всего четыре года, она собрала в своих рядах около сорока тысяч французов – важный показатель общественных настроений, склонявшихся к национализму.

Выдающейся личностью мирового масштаба, оказавшей огромное влияние на оформление и правых, и левых революционных движений в Европе, был социолог и философ Жорж Сорель /1847-1922/. Этот французский теоретик анархо-синдикализма с исключительной свободой и органичностью использовал в своих самобытных построениях отдельные идеи Ницше и Лабриолы, Тэна и Ренана, Прудона и Э. Гартмана. Его классический труд «Размышления о насилии» /1906г./, сразу же переведенный в России, был направлен против марксизма и содержал идеи, впоследствии с энтузиазмом использованные консервативными революционерами, прежде всего, Муссолини, назвавшего Сореля своим «духовным отцом». Жорж Сорель отвергал участие рабочего класса в революционной борьбе /«Социальные очерки современной экономики», М., 1908г./. Романтизируя революцию, он представлял ее иррациональным стихийным взрывом народа, опиравшимся на мифы, подобные религиозным. Эта идея, имевшая реалистический смысл как возбуждающее пропагандистское средство для будущих революционных масс, была успешно воплощена в Италии Муссолини и в Германии Гитлером. Критикуя «парламентский кретинизм» французской и немецкой социал-демократии, Сорель считал единственным носителем социалистических идей синдикаты, отличавшиеся от обычных профсоюзов гармоничным взаимодействием государства и профессиональных корпораций, исключавшим «классовую борьбу». Широта взглядов французского мыслителя проявилась в одоб-

рительном отношении к явлениям казалось бы несовместимого идейного плана. Перед первой мировой войной Жорж Сорель пришел к соглашению с крайне правой организацией «Аксьон Франсез». Но через несколько лет он приветствовал революцию в России. И это не было простым переходом в другую политическую позицию. Сорель одобрял свержение буржуазного строя, какой бы стороной оно не совершилось.

Значительный вес во французском обществе к началу XX столетия приобрели два писателя и политических деятеля – М. Баррес и Ш. Моррас. Член Французской академии Морис Баррес /1862-1923/ прославился как националист и ревностный католик острой и страстной критикой Французской республики, а также художественными произведениями, среди которых выделяется яркая трилогия «Роман национальной энергии» /«Беспочвенные», «Призыв к оружию», «Их лица», 1897-1902гг./ . Влияние Барреса испытали все значительные писатели того времени: А. Жид и Пруст, Клодель и Полан, Арагон, Мальро... Постоянные объекты его разоблачений – парламентская демократия и социализм. Европейские правые и сегодня почитают Барреса как выразителя строгих континентальных традиций.

Выдающийся публицист и поэт, член Французской академии Шарль Моррас стал известен как воинствующий антидрейфусар после обвинения офицера-еврея Дрейфуса в государственной измене в 1898г. Годом позже он создал крупную монархическую группу «Аксьон Франсез», включившую ряд известных писателей и политиков: Ж. Банвиля /1879-1936/, П. Лассера /1867-1930/, Леона Доде /1867-1942/, Жюля Леметра/1853-1914/ и др. Группа, разрастаясь в численности, действовала до середины 40-х годов. В издававшейся им с 1908г. газете того же названия Моррас четыре десятилетия подряд призывал к дисциплине и порядку в обществе, пропагандируя превосходство «латинской расы», что дало повод демократической публике отнести его к предшественникам фашизма. Монархист и католик, неистовый националист во время первой мировой войны, Моррас после поражения Франции в 1940 году нашел воплощение своих идей в союзе с Германией. Но еще в книге «Будущее разума» /1905/, выявляя греко-римские истоки французской культуры, он приближался к идее исторической общности крупных европейских наций. В поэзии Шарль Моррас был сторонником классической чистоты стиля /сборник «Надписи», 1921г./ . Масштаб этой личности не позволяет по примеру либеральных демагогов отнести его к «идеологам коллаборационизма». Это приблизительное название больше подходит писателям остро политического стиля – А. де Шатобриану и Бразильяку. Тем не менее, Моррас за деятельность, способствовавшую идейному сближению разнородных прогерманских сил во французском обществе в период оккупации, был приговорен в январе 1945г. к длительному тюремному заключению, но через шесть лет помилован президентом республики.

Многолетние усилия консервативных идеологов Франции подготовили почву для сочувственного восприятия политическими кругами государства грядущих перемен в Европе. В начале XX века ряд крупных европейских стран был охвачен политическим брожением. Революционные процессы в России еще до свержения монархии активизировали противостоящие силы в Европе. Подрывная деятельность Коммунистического Интернационала, раскрывшего свои возможности после большевистского переворота, выявила глубину опасности для независимого существования европейских стран. В результате в них возникла патриотическая реакция на потакание либеральных кругов революционным движениям. Естественным центром сопротивления стала поверженная в войне Германия. Поправший все международные юридические нормы Версальский договор вместе с масштабной перекройкой европейских границ нанес сильнейший удар по национальному чувству немцев, одновременно заложив основу для нового мирового конфликта в интересах американско-английской финансовой верхушки. Ответом стало приобретаемое к началу 30-х годов массовый характер движение национал-социалистов, с приходом к власти быстро изменившее политическую картину в Европе.

История повторилась. В 1939г. международная финансовая верхушка и ведущие демократические политики обоих континентов вновь содействовали вовлечению европейских народов в кровавую бойню /Ротшильды, немец Я. Шахт, Черчилль, Рузвельт, французское руководство, правители Польши.../. Неудивительно, что новый германский режим вызвал наибольший отклик в консервативных кругах Франции, ставшей к этому времени форпостом европейского либерализма с его нигилистическим отношением к национальным традициям и ценностям. Первое собственно фашистское объединение во Франции – «Союз бойцов и производителей» основал в 1925г. ветеран мировой войны, публицист и оратор Жорж Валуа /Грессон/. В книге «Фашизм» /1927/ он пропагандировал слияние национализма с социализмом, у которых общие враги: индивидуализм, либерализм и парламентаризм. Истинно национальное государство, писал Валуа, должно снять партийные и классовые противоречия в обществе. Союз объединил несколько тысяч мелких предпринимателей, служащих, технической интеллигенции и ветеранов войны. Многие французские правые, не принимавшие крайностей фашистского движения, активно боролись с Валуа, создавая всевозможные объединения вроде «Лиги патриотов», «Патриотической молодежи» и т.п. Среди них по-прежнему пользовалась большим влиянием многочисленная организация «Аксьон Франсез».

Избавившаяся от правых и левых политиканов Германия, оккупировав Францию в 1940 году, попыталась на свой лад очистить эту страну от либерального наваждения, используя внушительный потенциал антидемократических настроений, накопленный во французском обществе. Ведущие фигуры коллаборацио-

нистского правительства не были паникерами или трусами, доказав свое мужество и любовь к отечеству на полях сражений первой мировой войны. Но в период между войнами их вера во Францию поколебалась из-за бессмыслицы парламентского правления и нелепого руководства страной. Хаос нарастал, перейдя в критическую фазу в середине 1936 года, когда лидер социалистов Леон Блюм возглавил правительство Народного Фронта, потворствуя действиям левых партий, попиравших государственные интересы. Его преемники – К. Шотан, Э. Даладьё и П. Рейно /июнь 1937 – июнь 1940/, провоцировали европейскую напряженность, подталкивая Германию к противостоянию с восточноевропейскими странами и Советским Союзом. Внутренняя жизнь Франции изобиловала тогда крупными экономическими аферами и социальными потрясениями. Французские консерваторы уже не видели возможности выхода из этого состояния собственными силами государства.

Писатель Дриё ля Рошель свидетельствовал об этом времени: «в зловонной парижской среде тесно сплетены еврейство, деньги, развращенный свет, опиум, левые. Узкий кружок, полный высокомерия и самодовольства... Непреложным и неоспоримым образом в нем царят предрассудки, из которых образуется самое противоречивое, комичное и гнусное сборище... Все эти тайные братства смыкаются здесь и помогают друг другу с неприкрытым фанатизмом... Оба вида извращений, салонная аристократия, декадентское искусство. И все окутано политическим франкмасонством. Всякий наркоман знает, что всегда найдет кого-нибудь, кто защитит его от властей».

Сразу после оккупации Дриё описал трагедию падения Франции: «С нашей стороны ни одного ответного удара с юга до севера. Дети, воспитанные учителями-масонами, социалистами и коммунистами, с молодых ногтей страдают атрофией сопротивления; а вся верхушка – это выпускники лицеев, до глупости рациональной и объевреенной Сорбонны, Эколь Нормаль, Политехнического института, инспектора министерства финансов. Все бегут, что есть мочи». «Вот где обнажился совершенно анахроничный характер нашей культуры. Не имея ни политических, ни социальных, ни моральных ресурсов, мы не в состоянии иметь соответствующее вооружение... Социализм, обретя в Германии гибкие и сильные формы, использовав преимущества капитализма и социал-демократии, торжествует над старой парламентской и плутократической системой... Все, что я любил во Франции, было мертвым или в состоянии агонии». «А в основе всего лежало поражение, которое было тайной страстью всех французских рабочих и мелких буржуа со времен Седана и фашодского кризиса. Французский народ так и не простил себе этих поражений и уже тогда вынес себе приговор. Со своей стороны, дворянство и буржуазия не могли поверить в демократическую судьбу Франции», писал Дриё ла Рошель в дневнике.

«Невероятным стало то, что люди, которые создали всю эту посредственность, дремоту, обесмысленность и эту измену, – они вдруг захотели извлечь из-под груды обломков силу, способную воевать. Эти люди, которые убили всё добродетельное, что крылось во французском духе и во французском сердце, теперь претендовали на то, что возродят эти добродетели одним махом и сделают людей бойцами, наделенными силой, ловкостью и жертвенностью... Эти евреи, эти чиновники – рационалисты, журналисты из кафе, эти кулуарные политиканы – все они стали призывать к оружию и к жертвенности. Эти юристы из синагог и масонских лож, крикуны из парламента стали толкать в бой тех, кого они в течение пятидесяти лет тщательно разоружали заботами их учителей, профессоров Сорбонны, их журналистов и романистов. Эти апостолы, воспевавшие слабость и беспомощность, говорившие о мире дрожащими голосами, вдруг ожили и стали энергичными сторонниками войны, искателями приключений в словацком и польском конфликтах... Бедные французы, которым так долго вдалбливали, что имеет значения только та их жизнь, эта шкура без всякой духовной подкладки, только аперитив и рыбная ловля – были вытолкнуты на передовую без самолетов и танков, под защитой недостроенной линии Мажино... А на что могли пожаловаться эти крестьяне и горожане, погибшие под огнем пикирующих самолетов и под гусеницами танков? Люди, которые послали их на бойню, были те самые депутаты, которых они с гордостью избирали раз в четыре года... вся эта фальшивая элита, созданная за счет дипломов, браков по расчету и игры на бирже».

Эта удручающая картина не потеряла смысла до наших дней. Подобный стиль жизни сознательно культивируется в европейских государствах, как и в России, и при сходных обстоятельствах может привести к тем же результатам. Стоит продолжить: «Все эти дураки гордились тем, что ими правят другие дураки, у которых не намного больше храбрости и упорства... Эти мелкие воришки дважды за последние двадцать лет показали себя серьезными убийцами, крупными поставщиками пушечного мяса, неукоснительными и неустанными живодерами. Мелкий буржуа, выходец из народа отправляет на смерть, став министром, не хуже, а то и лучше, чем дворянин и принц», писал Дриё ла Рошель. «Германия придет в ужас от своего завоевания и той пустоты, которая откроется перед ее глазами. Она раздавила то, что уже было пылью... Германия находится под страшной угрозой со стороны Франции, подобно тому, как грозит солдату встреча с проституткой, больной сифилисом». «Разговариваю с людьми из разгромленной армии, и все они говорят одно и то же: не было настоящих боёв, не было настоящего сопротивления. С первых же ударов немцев начался отход наших войск, повсюду, сверху донизу. Штабы окопались в глубоком тылу, с которым невозможно установить связь, они не отдавали приказов, офицеры бросали своих подчиненных, а те из-за нехватки боеприпасов сразу же отступали. Там, где у нас имелись танки, боеприпасы или противотанковое оружие, это не

использовалось в полном масштабе. Пораженчество справа соединилось с пораженческой позицией левых, и они не встали на защиту Франции как законного государства».

Главным лицом в последовавших событиях стал герой первой мировой войны, маршал Франции Анри Петэн /1856-1951/. Сын крестьянина, Петэн командовал корпусом, потом армией, отличившись в знаменитом сражении под Верденом /март 1915/. Через два года назначен начальником Генштаба, затем командующим группой армий. Играл выдающуюся роль в оборонительный и наступательный периоды завершившей войну кампании 1918г. После Петэн занимал высокие должности в военных ведомствах, а с 1934 по 1939 год был военным министром. Во время боевых действий летом 1940г. он возглавил группировку, призывавшую к скорейшему перемирию с Германией. Став в июне премьер-министром, Петэн отклонил предложение ряда командующих продолжать войну и в июле подписал капитуляцию Франции. Считая, что Англия обречена, он заявил: «лучше стать нацистской провинцией, чем британским доминионом». При голосовании в Национальном собрании в июле 1940г. 569 депутатов /против 80, воздержавшихся 17/ передали Анри Петэну всю полноту власти в южной, не оккупированной части страны /режим Виши/. Новое правительство сразу же порвало отношения с Англией. С этого времени и до августа 1944 года маршал Петэн возглавлял государство, Госсовет и до апреля 1942г. – правительство.

Ведущую роль при Петэне играли Пьер Лаваль и адмирал Дарлан. Ветеран социалистической партии Лаваль /1883-1945/, сенатор в 1927-40гг., долгое время возглавлял различные министерства, а в середине 30-х годов полгода был премьер-министром. Доброволец в первую мировую войну, он в сентябре 1939г. организовал группу бывших премьеров /Кайо, Фланден, Шотан/, выступавших за сепаратный мир с Германией. Летом следующего года Лаваль стал министром иностранных дел правительства Виши, но в декабре был отстранен группировкой своего политического соперника Дарлана. Весной 1942г. вернулся к власти и до падения режима возглавлял правительство, а также министерства иностранных и внутренних дел. Несмотря на демонстративно прогерманскую позицию Лавалья, немцы настороженно относились к нему из-за его карьерных притязаний. Организация борьбы с Сопротивлением и отправка в Германию сотен тысяч французов лишило премьера популярности в обоих борющихся лагерях.

Незаурядной личностью был противник Лавалья Жан-Луи Дарлан /1881-1945/. Командир морской батареи во время первой мировой войны, он в 1939г. возглавил военно-морские силы Франции и пользовался огромным авторитетом во флоте. Личная преданность Дарлана Анри Петэну обеспечило новому главе государства поддержку вооруженных сил и ВМФ Франции. В конце 1940г. адмирал Дарлан стал влиятельным членом Директории из пяти человек, а затем вице-



премьером правительства, возглавив французские вооруженные силы. Немцы считали его более сильной фигурой, чем Петэн. До своего отстранения от власти Дарлан безуспешно пытался ослабить зависимость Франции от Германии. В 1942 году его назначили верховным комиссаром Французской Северной Африки. Через два года американцы, оценив независимое поведение Дарлана, признали его в этой должности. В конце войны он был убит монархистом-фанатиком.

Коллаборационистские политики, рассредоточенные по разным организациям, большинство которых возникло в 30-е годы, не сумели объединиться в одну общую силу. Некоторые из них, разочаровавшись в идее сотрудничества с оккупационными властями, преследовались гестапо за антигерманские настроения. Кадры коллаборационистов поставляли члены военизированной организации Марселя Бюкара /1895-1946/ «Парижские синие рубашки» /1933г./, Французской социальной партии полковника де ла Рокка /основана в 1936г./, 150-тысячного Секретного комитета революционного действия /«кагуляры»/ промышленника Эжена Делонкля /1936/, Антиеврейского движения /Rassemblement antijuif/ Даркье де Пельпуа /1937/, генерального комиссара по еврейским вопросам в правительстве Виши. Основную же силу представляли сторонники двух главных идеологов франко-германского сотрудничества – Жака Дорио /1898-1945/ и Марселя Деа /1894-1955/.

Призванный в 1917 году в армию, Жак Дорио из политических соображений сдался в плен и до конца войны содержался в немецком лагере. В 1920г. он покинул социалистическую партию, через два года стал членом Исполкома Коминтерна, а затем секретарем французской Федерации молодых коммунистов. Полтора года общения с Лениным и Троцким в послереволюционной Москве не сделали из него подлинного интернационалиста. С 1931г. Дорио был Депутатом Национального собрания Франции, а в 1934 году разошелся с М. Торезом и порвал с коммунистами. Тогда же он основал Французскую народную партию /НФП/, развернувшую активную пропаганду против парламентаризма, коммунистов и евреев. В 1940г. НФП стала ведущей коллаборационистской партией в оккупированной зоне. Жак Дорио активно сотрудничал с национал-социалистами, создал военизированный Антибольшевистский легион, имея чин лейтенанта СС. Погиб в Германии во время авианалёта.

Профессор философии Марсель Деа, кавалер ордена Почетного Легиона и капитан французской армии во время первой мировой войны, в 1933г. основал Новую социалистическую партию правого толка. В 1936 году Деа занимал пост министра авиации Франции, затем был депутатом Национального собрания. В начале 1941г. вместе с Э. Делонклем создал Национальное народное объединение /ННО/ – главного конкурента партии Дорио. Издавал коллаборационистский

еженедельник «Л'Овр», в котором яростно критиковал режим Виши за непоследовательно прогерманскую политику. В 1942г. от ННО откололось Социал-революционное движение Делонкля, занимавшего ярче выраженную национальную позицию /аналогия с русским генералом Власовым/. Сразу после этого НФП Дорио, ННО и Движение Делонкля объединились в «Лигу французских волонтеров против большевизма». Ее возглавил журналист-германofil Фердинанд де Бринон /1885-1947/, основатель Франко-германского комитета /1935г./, занимавший пост Генерального уполномоченного правительства Виши по вопросам оккупированной зоны при германской военной администрации. Разнородную по составу Лигу французских волонтеров парализовали разногласия, из-за которых германские власти уже в апреле 1942 года запретили легионерам вести пропаганду среди населения. Эжена Делонкля, заподозренного в антинацистской деятельности, через год расстреляли немцы.

Ряд известных политиков и представителей творческих профессий занимал высокие должности в правительстве Виши. Участник первой мировой войны, журналист Жозеф Дарнан /1897-1945/, член «Аксьон Франсез» с 1925г. и Французской народной партии Дорио с 1936г, сформировал в 1942 году подконтрольную Виши 30-тысячную милицию, во главе которой проводил аресты участников Сопротивления и других противников режима. Через год этот яркий германofil, имевший чин майора СС, стал шефом французской полиции. Министром образования в правительстве Лавалея был в течение двух с половиной лет член Французской Академии, эссеист Абель Боннар /1883-1968/, после войны изгнанный на десять лет из Франции. Боннар старался проводить либеральную политику по отношению к французской интеллигенции, не препятствуя разнообразию стилей в творчестве писателей, художников и театральных коллективов. Активный участник коммунистического движения 30-х годов, затем член Французской народной партии Поль Марион /1899-1954/ более двух лет занимал пост генерального секретаря по информации и пропаганде в правительстве Виши. Одновременно состоял президентом Комитета друзей войск СС. Ему удалось привлечь к работе в своем ведомстве ряд талантливых журналистов и писателей. Один из них – радиожурналист Филипп Энрио /убит в 1944г./, инициатор широкой пропагандистской кампании среди населения южной Франции в поддержку режима, до назначения П. Мариона возглавлял министерство информации. Бюллетени Сопротивления представляли его одним из самых одиозных деятелей Виши.

Некоторые высокопоставленные лица в правительстве при возможности занимали антигерманскую позицию, используя складывающиеся обстоятельства. Это не прибавляло им авторитета ни у одной из борющихся сторон. Непримиимый антикоммунист, поклонник Муссолини, член партии Дорио Пьер Пюше /1895-1944/ до 1943г. последовательно возглавлял министерства промышленности и

внутренних дел. Создал специальные трибуналы, без юридических формальностей выносившие приговоры коммунистам и участникам Сопротивления. Организовал в октябре 1941г. Службу по тайным обществам, занимавшуюся масонами, отлученными от общественных функций законом от 13.08.40г. После конфликта с Лавалем Пюше ушёл в отставку, перебравшись в Марокко. Установил контакты с мятежным генералом Жиро, но не получил поста в антигерманском движении из-за плохой репутации. Расстрелян в Алжире по приговору военного трибунала.

Депутат Национального собрания от консервативного католического движения в 1919-39гг., активист «Аксьон Франсез», пехотный офицер в первую мировую войну Ксавер Валла /1891-1972/ больше года был генеральным комиссаром по еврейским вопросам в правительстве Виши. Участвовал в разработке антиеврейского законодательства, требуя исключить евреев из политической жизни Франции. Создал особые антиеврейские части во французской полиции. К. Валла занимал непоследовательную позицию в отношении Германии, предпринимая самостоятельные действия, недостаточно радикальные с точки зрения оккупационной власти. Как безногий инвалид войны получил мягкий приговор от голлистского суда, позволивший ему в 1950г. выйти на свободу.

Профессиональный адвокат, искушенный политик с внушительным стажем, депутат Национального собрания в 1914-40гг. Пьер Фланден /1889-1958/ с 1924г. занимал различные министерские посты. В середине 30-х годов полгода был председателем Совета министров, а затем – министром иностранных дел. На этом посту поддержал действия Петэна по заключению мира с Германией и до ноября 1943г. входил в состав Высшего правительственного совета вместе с Петэном, Лавалем, Дарланом и Хюнцингером. Умудрялся, сотрудничая с Германией, поддерживать союзников. Арестован в Алжире в 1946г. и приговорен Высшим парижским судом на пять лет «национального /гражданского/ бесчестия», но сразу амнистирован за «заслуги» перед движением Сопротивления.

Идеологическое содействие коллаборационизму – от прямой поддержки до благожелательного или безразлично-нейтрального отношения, оказывали крупные писатели и видные журналисты Франции. Остальные /меньшинство/ распределилось по разным категориям. Одни поддержали Сопротивление /в основном за границей/, другие мягко критиковали некоторые стороны режима, третьи отличались трусливым поведением. Например, философствующий эссеист Сартр, маскируя еврейское происхождение, искал покровительства влиятельных и просто независимых лиц /Дриё ла Рошель, Селин/, на которых после падения правительства Виши писал доносы и пасквилы.

Значительным авторитетом в коллаборационистских кругах пользовался драматург и писатель Тьерри Молнье /1909-88/, начинавший литературную деятельность в «Аксьон Франсез». Перед войной он издавал еженедельник «Восставшие» /«L'Insurge»/, в котором излагал доктрину, близкую национал-социализму. Яростный защитник классических идеалов в искусстве, Молнье не был модернистом и в политике, изобретательно сочетая верность традиционным формам государственности с одобрением политических перемен во Франции. Во время оккупации он редактировал журнала «Ревю Франсез». После войны Тьерри Молнье сохранил высокое положение в литературном мире, став одним из основателей солидного журнала «Круглый стол» /1948/ и членом Французской Академии /1953/. В это время он написал драму «Ночной дом», в которой представил коммунистов бесчеловечными фанатиками, сохранив, таким образом, преемственность с прежними взглядами.

Репутацию главных идеологов коллаборационизма заслужили два известных деятеля культуры – А. Шатобриан и Р. Бразильяк. Писатель, историк и публицист Робер Бразильяк /1909-1945/ печатался во многих газетах и журналах Франции, открыто поддерживая идеи фашизма. Ревностно сотрудничал с германскими властями, основав культурно-политическое движение «Коллаборасьон». Издавал ведущую профашистскую газету «Же суй парту» /«Je Suis Partout»/, проповедуя антисемитизм и призывая к расправам с участниками Сопротивления. Расстрелян по приговору Высшего суда юстиции.

Лауреат самой престижной Гонкуровской премии Франции, писатель Альфонс де Шатобриан /1877-1951/ вышел из первой мировой войны сторонником франко-германского политического и идеологического сотрудничества, оставаясь ревностным христианином. В романе «Бриера» он изобразил борьбу крестьянской общины против капиталистического предпринимательства, но в отличие от ряда коллег – критиков «третьей республики», отвергал левацкие идеи. В «Ответе Всевышнему» Шатобриан пропагандировал идеи, близкие к национал-социализму, в котором нашел «духовное обновление». С первых и до последних дней оккупации возглавлял коллаборационистский журнал «La Gerbe» /«Сион»/. За активную поддержку режима Виши был приговорен к смерти, но сумел скрыться в Австрии.

Писатель и журналист, убежденный германофил, освобожденный после оккупации из немецкого плена, Жан-Бенуа Мешен /1901-83/ до сентября 1942г. отвечал в правительстве Дарлана за франко-германские отношения. Мешен был сторонником тоталитарной и нацистской Европы. После войны приговорен к пожизненному заключению, но освобожден в 1954 году.

Видное место в пропагандистских структурах коллаборационизма принадлежало бывшему директору Международного института сотрудничества с Лигой Наций, руководителю Национальной корпорации французской прессы, издателю крупной вечерней газеты «Ле нуво тан» Жюльену Люшеру /1901-46, казнен/. В 1945г. был расстрелян депортированный из Испании диктор франкистского «Радио-Сарагоса», член Народной французской партии Жан-Эрольд Паки /р.1912/, автор и ведущий коллаборационистского радиожурнала, передачи которого неизменно заканчивались словами: «Англия, как Карфаген, будет разрушена».

Лучшие писатели Франции в 1940-44 годах публиковали свои произведения в ведущих издательствах /«Галимар» и др./, в крупных газетах и журналах; авторитетные ученые работали в солидных институтах и общественных организациях. Часть из них сохранила репутацию на приемлемом уровне и даже получила признание и титулы в 50-е годы. Степень их вины в глазах послевоенных критиков различалась в зависимости от чувства меры, с которым они балансировали вокруг острых тем: Соппротивление, еврейский вопрос, полицейские мероприятия, переселение в Германию... Писатель и журналист Люсьен Ребате /1903-72/ с 1945 по 52 год отбывал заключение как активный коллаборационист. В 60-е годы он являлся духовным наставником французских «новых правых», ориентируя их в направлении объединенной Европы, покоящейся на традиционных /«индоевропейских»/ ценностях. Сближению европейских консерваторов после войны содействовали математик и писатель оккупационного периода Луи Ружьер и юрист Дофин Менье, создавший вместе с Дриё ла Рошелем в 40-х годах Свободный факультет экономики и права в Париже. Подвергался репрессиям историк и политический деятель, активист франко-германского сближения, Бернар Фэй – профессор «Коллеж де Франс», руководитель Национальной библиотеки. Ему поставили в вину «разжигание антисемитизма». Был осужден за коллаборационизм писатель и критик Робер Пуле. Погиб в 1945 году в боях в Берлине известный журналист, один из руководителей Легиона французских добровольцев Жан Фонтенуа, организовавший летом 1940г. встречу германского посла О. Абеца с Лавалем. Под обвинением в содействии оккупационным властям находились редактор еженедельника «Же сюи парту», журналист Поль-Антуан Кусто /1906-58/ и директор этого журнала Шарль Леска, близкие к немецкой газете «Propagandastaffel», выходившей во Франции. Удалось избежать преследований журналисту и литературному критику Пьеру Бриссону /1896-1964/, многолетнему редактору газеты «Фигаро», имевшей при оккупации фашистскую направленность.

Респектабельность франко-германскому сотрудничеству в годы войны придавали такие личности как Пьер Гаксот /1895-1982/ – историк XX века и политический публицист. Правый монархист и активный сторонник Ш. Морраса, Гаксот,

ставший в 1953г. членом Французской Академии, способствовал своим авторитетом объединению консервативных сил в послевоенной Франции. Лояльность по отношению к германским властям соблюдали поэт, писатель и драматург Андрэ Лебэй; автор многочисленных этюдов о масонстве и редактор традиционалистского журнала «Ревю де Пари», литератор Марсель Тьебо. На крайне левом политическом фланге находился писатель и публицист Жан Бернье /1894-1975/, автор замечательного романа «Прорыв» /1920/, ловко вписавшийся в консервативную атмосферу оккупированного Парижа. Отстраненную позицию от национал-социализма занимал романист Жан Шлюмберже /1877-1968/, что не помешало ему после войны оправдывать коллаборационизм в сборнике «Процесс Петэна» /«Le process Petain»/.

Особый интерес для нашей темы представляет политическая позиция крупнейших писателей Франции, большинство которых вольно чувствовали себя при оккупационном режиме, а многие сотрудничали с ним, не прерывая литературной работы. Один из самых выдающихся писателей XX века Луи-Фердинанд Селин /Луи Детуш, 1894-1961гг./ связал свою судьбу с режимом Виши, но не был причастен ни к одной его политической акции. Реформатор литературного языка, одинокий и свободный Селин оказался затянутым в общественную борьбу всеми свойствами личности, сформированной в тяжелые годы первой мировой войны, из которой он вышел раненым, тяжело контуженным и увенчанным высокими наградами героя. Подобные войны швейцарский историк культуры Якоб Буркхардт относил к разряду «неблагородных». Л.-Ф. Селин не считал, что эта война велась ради освобождения Франции. Задолго до 30-х годов он предчувствовал новые катастрофы, наблюдая за оргией унижений, которым победители подвергали Германию.

Сторонясь политических партий, Селин отдался творчеству, создавая одно за другим остросовременные произведения. В 1932г. он опубликовал один из ключевых романов XX века – «Путешествие на край ночи», захватывающую автобиографию первой половины жизни. Среди многого здесь отражен собственный военный опыт, внушивший Селину презрение к французскому обществу. В 1936г. вышел антисоветский очерк «Моя вина», навеянный посещением Ленинграда. С 1937 по 41 год писатель издал три памфлета объемом около 400 печатных страниц каждый. В проникнутых яростным антисемитизмом «Безделицах для погрома» /1937/ Селин рекомендовал реформировать Францию на фашистский манер. В «Школе трупов» /1938/ отражены расистские настроения и культ силы. Скандальную славу принес писателю памфлет «Попали в переделку» /1941/, где он издевался над поверженной Францией, сравнив оккупацию с «веревкой без повешенного». Роман «Смерть в кредит» /1936/ из-за избытка натурализма запретила публиковать немецкая цензура.

В сентябре 1944г., большая группа французов, включая министров Виши, переехала в южногерманский город Зигмаринген. Здесь французские эмигранты разделились на три группы. Петэн, Лаваль, Боннар, Марион и другие, перевезенные против своей воли, считали себя пленниками немцев. Этой группе противостояло несколько активных политиков, продолживших сотрудничество с Германией. Фернан де Бринон, Ж. Дарнан, Дорио, Марсель Деа по инициативе Гитлера и Риббентропа организовали «Правительственную делегацию в защиту национальных интересов» с целью в дальнейшем сформировать на ее основе новое правительство во главе с Жаком Дорио. Третью группу составили около двух тысяч «неявных коллаборационистов», съехавшихся со всех сторон Франции. Многие из них не занимали официальных постов, но все были достаточно известны как литераторы, художники, журналисты, лидеры политических партий.

Через два месяца к ним присоединился Селин. В марте 1945г. он вместе с женой бежал в Данию, был арестован и заключен на 14 месяцев в подземную /!/ тюрьму, а затем провел три года в ссылке на балтийском побережье в не отапливаемой /!/ хижине. Ему вменили в вину аполитичные сочинения «Безон сквозь годы» и «Банду Гийоля», а также членство в пронацистском Европейском клубе писателей. Летом 1951 французский Верховный Суд амнистировал Селина, позволив ему вернуться в Париж. Здесь он создал три последних романа, где с редкой художественной силой описал жизнь в Зигмарингене. «Из замка в замок» и «Север» изданы во второй половине 50-х годов, а «Ригодон» – через восемь лет после его смерти. К Селину вновь пришел шумный успех, но не материальный достаток. Он стал одним из трех французских писателей /наряду с Монтерланом и Мальро/, публиковавшихся в самой престижной серии издательства «Галлимар» – «Плеяде». Здесь вышли все его сочинения, что означало официальное признание Л.-Ф. Селина классиком мировой литературы.

Анри Монтерлан /1896-1972/ также занял место в первом ряду французских писателей XX века. Его биография – еще один пример обращения французского националиста в патриота единой Европы. Страдающий врожденной болезнью сердца Монтерлан, обманув врачей, ушел добровольцем на передовую в первую мировую войну. «Я буду обесчещен, если после войны станет известно, что я не был на фронте», – писал он в дневнике. Демобилизованный после ранения в спину, Монтерлан занялся литературой, создав по военным мотивам один из лучших своих романов «Мечта» /1922/. «Новая британская энциклопедия» /1980, т.6/ характеризует его как «автора романов и драматических произведений, представляющих собой мужскую и аристократическую оппозицию женственно-слабому и демократическому веку». Последователь М. Барреса, Монтерлан создал героический мир мужских добродетелей, апологию спорта и силы /романы «Бестиарии», 1926; «Холостяки», 1934; тетралогия: «Девушки», «Жа-

лость к женщинам», «Демон добра», «Прокаженные», 1936-39/. Исповедуя культ твердой власти, он демонстрировал вызывающее презрение к французской демократии и приветствовал победу Германии как спасительный урок для Франции /«Июньское солнцестояние», 1941/. После 1942 года Монтерлан обратился к драматургии, пропагандируя тоталитарный режим /«Мертвая королева», «Ничей сын», 1942-43/. «Фашизм, – утверждал он, – направляет добуржуазную сплоченность общества против плутократических идеалов буржуазной демократии, обнаруживших свою безжизненность и губительность уже в ходе первой мировой войны». Патриотизм Монтерлана не уместился в рамки одного государства. Даже комиссия Петена отвергла его предложение посвятить мемориал в Дуомоне памяти как французских, так и немецких солдат.

Сразу после войны писатель вновь призывал к установлению сильной политической власти, выказывая недоверие к пассивным народным массам /пьесы: «Малатеста», «Завтра

будет день», «Пор-Рояль», «Испанский кардинал», 1946-60/. Драммы Монтерлана заняли место в восходящей к Корнелию героической традиции французской литературы. В 1960г. он стал членом Французской Академии. Европейская критика единодушна в оценке его произведений: «большой писатель», «блестящий стилист», «королевская манера письма», «враг буржуазной морали», «друг всего, что возвышает душу». Монтерлану удалось избежать обвинений от участников Соппротивления благодаря независимости поведения во время оккупации. Хотя социолог Раймон Арон и наградил его титулом «самого значительного из писателей-коллорационистов», вишисты приписывали ему безразличие к устоям «нового порядка» /труд, родина, семья/. Монтерлан до конца жизни остался верен раз выбранной отстраненности от узкого национализма своих соотечественников. Современникам внушала уважение цельность его натуры и последовательность поведения.

«Великим писателем и провозвестником благополучного состояния мира на пути индустриализации» назвал Жана Жионо /1895-1970/ историк французской литературы Жак Бреннер. В 25 лет Жионо сражался под Верденом и в других трагических местах, почти потеряв зрение. В его роте уцелело лишь несколько человек. Из осмысления военного опыта возникла ненависть к цивилизации. «Нельзя убить войну, не убив капиталистического государства», – писал Жионо в антивоенном романе «Большое стадо» /1931/. Он осуждал шумные и грязные, бесчеловечные большие города, выступал против любых социальных пут и всех политических группировок. Его почитали молодые люди. Жионо стал провозвестником экологов, воспевая таящиеся в природе «истинные богатства» /роман «Песнь земли», 1934/. Он удостоивался сравнения с Гомером и Л. Толстым. В 1939г. Жионо выступил против воинской повинности, был аресто-



ван за «пораженческие настроения» после объявления войны с Германией и под хлопоты Андрэ Жида освобожден от армии.

Подобную позицию тогда разделяли видные деятели культуры – добровольцы первой мировой войны. Все они начинали зрелую жизнь как французские националисты. Многие принимали участие в деятельности основанного в 1915г. Ш. Моррасом Комитета по выявлению уклоняющихся от военной службы. Но в оккупации Франции немецкими войсками они усмотрели событие, выходящее по своему значению за пределы «обычного» исхода войны. Идея европейского объединения в толковании национал-социалистов пробудила во французских консерваторах память о достойном Отечестве Отецеств – Священной Римской Империи, лишенной ненавистных им пороков буржуазной цивилизации.

В этот период Жан Жионо написал отстраненную от военно-политического противостояния книгу «Триумф жизни», но был обвинен критиками в поддержке режима Виши. В 1941-44 годах его пьеса «Конец пути» с успехом шла в театрах Франции. Следующая драма Жионо – «Путешествие в коляске» /о занятом в 1797г. французами Милане/ в отличие от пьес Сартра /!/ не получила специального разрешения немецкой цензуры, но ставилась в театре Мариньи. В августе 1944г., на второй день после освобождения Франции Жионо был арестован и просидел шесть месяцев в лагере. Попав в черные списки комитета по чистке литераторов, он не смог печататься до 1947 года. После издания романа «Гусар на крыше» /1951г./ и нескольких высокохудожественных исторических хроник критика назвала Жионо одним из лучших современных романистов. Ему присудили премию Монако. Он стал членом Академии Гонкуров, а затем – председателем жюри кинофестиваля в Каннах, написав прекрасные сценарии к фильмам «Крез» и «Крах Павии». В 1965г. Жионо опубликовал свой лучший роман «Два всадника в грозу», но был отстранен шведами от Нобелевской премии по старым политическим мотивам.

Писатель и дипломат Поль Моран /1888-1976/, по словам французского романиста Бори, был «для белой расы тем же, что Бальзак для роялистов, полный ностальгии, страстный защитник, понимающий, однако, что дело проиграно. Он укоренен в Европе до 1914 года и не примирился с ее крахом». С 1913г. Моран, окончивший школу политических наук в Париже и факультет права в Оксфорде, направлялся посланником в Италию, Испанию, Англию и другие страны, одновременно занимаясь литературным творчеством. В «Хронике XX века» /1925-30/ и в описаниях своих многочисленных путешествий по миру писатель рисует сократившуюся в размерах, больную и одряхлевшую Европу, критикуя США за культ денег, за детские мысли в философии и политике. Нелестно отзываясь о неграх, метисах и желтой расе. Известность принесли ему произведения 20-х годов: новеллы «Открыто ночью» и «Черная магия», роман «Левис и Ирена».

Здесь изображен мир крупных предпринимателей, беспринципных космополитов и хищных прожигателей жизни. «Милая Франция» /1933/ сатирически рисует засилье евреев в парижском кинематографе. Ясная политическая позиция писателя определилась в антисоветском памфлете «Я жгу Москву» /1924/.

В 1939г. Поль Моран оставил дипломатический пост в Англии и вернулся во Францию в распоряжение Петэна, отправившего его посланником в Румынию. В это время Моран жил надеждой на создание европейского третьего рейха – оплота для победы над большевизмом. В период оккупации он публиковал остро критические биографии ряда известных французских писателей демократического направления. Популярностью в этой серии пользовалась работа о Мопассане /1942/. Не принимавший активного участия в коллаборационистской деятельности, Моран после войны получил возможность вернуться к дипломатической работе. Вновь отдавшись литературе, он занял в ней прочное и неоспоримое место. Его стиль описывают как «ностальгическую и тревожную музыку слов». В серии исторических романов 60-годов о Габсбургах, написанных в сухой и остроумной манере, Поль Моран еще раз горюет об утрате аристократизма в Европе и тираническом господстве масс.

Жак Шардон /р.1886/, автор известных романов «Эпиталама» /1921/ и «Счастье Барбезье» /1938/, в период оккупации Франции присоединился к сторонникам европейского объединения. В 1941г. он дополнил свою предвоенную «Частную хронику» вторым томом, описав в художественно-публицистической манере психологию француза, хладнокровно принявшего поражение страны, за что от него отвернулся ряд писателей, больше известные «передовыми» убеждениями, чем литературным талантом. В книге «Увидеть лицо» /1941/ Шардон утверждал, что Франция благочинно впишется в новую Европу, создание которой провозгласили национал-социалисты. «Примирение для человека невозможно, – писал он, – предаваясь праздности, человек скучает. Он живет только, когда охотится, расставляет ловушки, уничтожает врага, все разрушает и перестраивает». Шардон охотно участвовал в работе Европейского клуба писателей. После войны он не скрывал своего уважения к немцам, утверждая, что ему не были известны крайности нацистской политики. Его несколько месяцев держали в тюрьме, но не судили. В романе «Отрешение» /1945/ Шардон отстранился от пережитого, как того требовала этика выживания, и продолжал писать. Музыкальностью стиля и элегантным классицизмом его книги «Вот, что я думаю» /1966/ восхищался президент де Голль.

Драматург Жан Ануй /р.1910/ темы большинства анти-буржуазных по духу пьес подчинял идее стоической борьбы с насилием в обществе. До войны он писал драмы на современные сюжеты /«Путешествие без багажа», «Дикарка», 1937-38/. В 1940г. Ануй был мобилизован в армию, попал в плен и бежал. В оккупи-

рованном Париже он с помощью директора театра «Ситэ» Андрэ Барсака и своего друга Р. Бразильяка занял видное место в театральном мире. Его комедии «Ужин в Санлине» и «Бал воров», исторические драмы «Эвридика» и «Антигона» с большим успехом шли во французских театрах. Полуподпольная парижская газета «Леттр Франсез», демонстрируя подцензурную свободу и художественную глухоту, назвала «Антигону» «гнусным произведением эсэсовца». Однако эта пьеса, как и напечатанная в коллаборационистской газете «Же сюи парту» драма «Леокадия», содержала мотивы трагической гибели непокоренных героев – доказательство явного свободомыслия. Стремясь к политической независимости, Жан Ануй отказался от участия в Сопротивлении. После войны он писал сатирические комедии, пародируя образы французских революционеров /Робеспьера и пр./ и высмеивая современную буржуазную мораль.

Марсель Жуандо /1887-1979/ приобрел популярность лишь в 1950г. при опубликовании «семейного» романа «Самозванец», хотя французские писатели с самого начала высоко ценили его творчество. Он создал множество произведений: романы, рассказы, сказки, публицистику, /в том числе антисемитское эссе 1937г./, несколько пьес и 30 томов дневников. В шеститомнике «Мемориал» /1948-58/ есть захватывающие страницы описаний пережитого в оккупационный период. Мироззрение Жуандо было устойчиво консервативным. После разгрома Франции он активно включился в культурную жизнь, участвуя в акциях Европейского клуба писателей. В октябре 1941г. Жуандо участвовал в Веймарском конгрессе европейских писателей вместе с Дриё ла Рошелем, Бразильяком, Шардоном, А. Боннаром и другими деятелями культуры. Репрессиям после освобождения страны он не подвергался, продолжая плодотворно работать /роман «Эти господа», книги – «Повседневник», «От единичного к вечному».../.

Счастливая литературная карьера сопровождала ученика М. Жуандо, эксцентричного Жана Жене /ум.1986/, считавшегося «экзистенциалистом» среди писателей. В 1940г., эстетизируя поражение страны, он писал: «Эта Франция была схвачена почти без боя несколькими батальонами красивых воинственных блондинов. Из-за избытка красоты, светлых волос и молодости Франция пала. Легла ничком. Я там был. Потом она спаслась, испуганная, дрожащая, у меня на глазах». В книгах 1943-46 гг. Жене прославлял извращенных мужчин и красивых убийц /«фон мерзкий, но стиль великолепный», по отзывам критики/. В 1947г. писатель вышел из подполья. К этому времени относятся его известные пьесы «Служанка», «Ширмы». Жана Жене называли «воплощением свободы». Он питал устойчивые симпатии к негритянской организации «Черные пантеры» и палестинскому Фронту национального освобождения за их ненависть к Западу. Жене писал в 70-е годы: «Мизинец самого юного федаина занимал меня больше, чем вся Европа, а Франция была далеким воспоминанием моей молодости».

сти». Большой успех имели его последние книги: «Чудо розы», «Похоронное бюро» и «Пленный влюбленный». Жан Жене восхищался Советским Союзом, «всегда занимавшим сторону слабых, самых обездоленных».

Незаурядной личностью был писатель и публицист, лауреат премии Гонкуров Люсьен Декав /1861-1949/, автор популярного романа «Колонна» /1901/. За разоблачение растлевающего быта французской армии в романе «Унтер-офицеры» /1889/ военное министерство привлекало антидрейфусара Декава к судебной ответственности, и только ходатайство 44 писателей спасло его тогда. Независимое поведение в соединении с консервативными взглядами отличало писателя и в период оккупации. В 1944-49 годах он исполнял должность секретаря Академии Гонкуров, а с 1945г. и до смерти был ее президентом.

Член Французской Академии с 1935г., лауреат Гонкуровской премии Клод Фаррер /1876-1957/, создатель популярных романов, опоэтизировавших образы цивилизованных колонизаторов, не был причислен к коллаборационистам. В конце творческого пути он стал поборником европейского национализма консервативного толка.

Лауреат Большой литературной премии Парижа 1946 года Леон Поль Фарг /1876-1947/, работая в оккупированной зоне, отстранился от политики. Его стихи – воспоминания и литературные портреты современников: «Великое одиночество», 1941; «Волшебный фонарь», 1944г.

Равнодушным наблюдателем событий в разгар оккупации Франции был известный писатель Андрэ Жид /1869-1951/, автор многих антибуржуазных романов и памфлетов против Советского Союза. В 1947г. А. Жид стал лауреатом Нобелевской премии.

Член Французской Академии с 1935г., писатель Жорж Дюамель /р.1884/, пацифист и критик американского образа жизни, в качестве врача ставший участником «странной войны» 1939-40гг., после поражения Франции отрицал смысл движения Сопrotивления. Эта позиция отразилась в последних частях 10-томной «Хроники семьи Паскье». Послевоенные произведения Дюамеля: «Бремя душ», «Крик из бездны», мемуары «Объяснение моей жизни» полны скептицизма к социальным переменам в государстве. Поучительно, что многие французские писатели, пережившие период оккупации, остро критиковали нравы послевоенной Франции, воспринимая их как возврат к временам третьей республики в еще худшем виде.

Жан Дютур, скептически воспринявший Сопrotивление, в романе «На хорошем масле» /1952/ оставил великолепное описание французского быта при немцах.

Большая часть его книг написаны в 80-е годы. Их названия говорят за себя: «О Франции, рассматриваемой как болезнь», «Социализм с лицом бестолкового», «Семилетка дохлых коров», «Самая глупая левая в мире». Писатель упрекал министра образования в неумении вменить молодым людям необходимость изучения национальной истории и орфографии /!/. Премьер-министр Л. Жоспен пытался преследовать Дютура за нелестные сравнения Франции с третьим миром. В эффектном романе «Анри или национальное воспитание» /1983/ Жан Дютур воссоздал объемную картину разложения французских нравов.

Последняя глава романа Мишеля Моро «Итальянская кампания» /1965/ посвящена разгрому Франции в 1940г. В освещении этого события писатель, его очевидец, нейтрален. Эпиграф книги: «Есть только одна слава – это слава оружия» дополняется фразой с двойным смыслом: «О, прекрасные дни!»

Снисходительное отношение к немцам запечатлено в романе Жан-Мари Руара «Предвоенные годы» /1933-45/. Изрядное количество исторических документов, собранных автором, соседствует с подлинными личностями, выведенными под именами героев. Это соединение реальности с художественным осмыслением событий /«поэзия и правда»/ даёт ценный материал для изучения одного из самых спорных периодов французской истории.

Нейтрально-выжидательно вели себя: Жироду, Кокто, Поль Клодель, Бретон, Жюль Ромен. Журналист Жан Полан /1884-1968/, до 1940г. не опубликовавший ни одной книги, в годы оккупации обратился к прозе. Он пишет эссе «Цветы Тарба», новеллы с политическим подтекстом: «Человек морали и долга», «Борец за правду», «Знаменитые дела». В годы войны Полан был одним из основателей газеты «Леттр Франсез», но после освобождения Франции протестовал против несправедливых процессов и черных списков. Вопреки советам друзей писатель опубликовал в своей газете осуждающее письмо «Руководителям Сопротивления» /1952/ и некоторое время подвергался юридическим преследованиям. В 1963г. Жан Полан стал членом Французской Академии.

Благородное поведение до и после войны отличало известного писателя и политического деятеля Андре Мальро /р.1901/. Во время оккупации он, наряду с Монтерланом, Жионо и Селином, был самым читаемым автором /романы «Завоеватели», «Человеческий удел».../. Интерес представляли идеи и необычные концепции этих писателей. Остроумный критик предвоенного французского парламентаризма, арестованный в 1940г. за связь с коммунистами, Мальро после своего освобождения отказался участвовать в Сопротивлении. На короткое время в 1944г. он все же вошел туда, но в конце войны порвал связи с Движением, шокированный грубой фракционной борьбой внутри его руководства. Политические взгляды Мальро всегда отличались независимостью. Он не осуждал

сталинские репрессии. Во время оккупации продолжал дружбу с люто ненавидимым подпольщиком Дриё ла Рошелем и даже просил его быть крестным отцом одного из своих сыновей, а после освобождения пытался спасти от расправы за коллаборационизм. На посту министра культуры у де Голля Андрэ Мальро придерживался такой же свободы в отстаивании своих идей, главная из которых выражалась в стремлении избежать тотальной американизации Франции.

Самые значительные французские философы, за исключением эмигрировавшего в 1933г. в Канаду Жака Маритена, получили возможность выражать свои идеи на родине в это сложное время. Они представляли разные направления философской мысли, но большинство из них объединяло критическое отношение к сложившимся во Франции буржуазным порядкам. Это и было глубинной причиной их терпимости к новому режиму.

Без надрыва воспринял оккупационный порядок драматург и философ, основатель французского католического экзистенциализма Габриель Марсель /р.1889/, сотрудничавший в правом журнале «NRF». Он противопоставлял буржуазии феодальное средневековье и возносил «духовную аристократию», которая за отсутствием условий для руководства обществом вынуждалась к замкнутому существованию. Такая позиция была открыта к поиску общественного состояния, недостижимого естественным путем. Отсюда сквозь скептицизм возникал интерес к насильственным способам исправления общества. После войны мастерски построенные драмы и остро-ироничные комедии Марселя с большим успехом шли на сценах Германии и Франции.

По-своему ситуация военных лет преломлялась в идеях ведущего представителя атеистической разновидности экзистенциализма Альбера Камю /1913-60/. Противник левой революции и марксизма, Камю пропагандировал «героический пессимизм», предлагая «мятеж», как внутреннее средство для подготовки личности к общественным переменам. «Новый порядок» во Франции не вызвал у философа активного отторжения.

В 1942-44 годах в Париже издавались капитальные труды Этьена Жильсона /р.1884/, ведущего /наряду с Маритеном/, представителя католической философии неотомизма. В работе «Введение в философию Святого Фомы Аквинского» /1942/ Жильсон предложил современную трансформацию идей этого средневекового теолога, соединявшую индивидуализм и соборность, рассудочность и мистику. Философ отвергал капитализм и социализм, как находящиеся в постоянной борьбе друг с другом полярные разновидности современного мира, отпавшего от Бога. Жильсон проповедовал социальный мир между классами. Экономический вариант его учения сближался с корпоративными идеями, воплощенными Муссолини в Италии.

Обе части Франции знакомы в 1940-44 гг. с новыми сочинениями философов-персоналистов. Основатель французского персонализма, Эммануэль Мунье /1905-50/, как все представители этой философской системы, занимался проблемами личности. Но в отличие от англо-американских персоналистов, возлагавших надежды на жизнеспособность западной культуры и её благотворное влияние на человека, Мунье не верил в такую возможность. Французские персоналисты уделяли особое внимание социальной доктрине, придавая антикапиталистическую направленность своим анализам и выводам. Они видели путь к преобразованию мира в морально-политическом устремлении личности, вдохновляемой Богом. Такая личность, в отличие от «эгоцентричного буржуа» стремится к благу всего общества. Э. Мунье писал о глубоком кризисе и неизбежной гибели капитализма, призывая к персоналистической и общинной революции, одновременно экономической и духовной. В издаваемом им с 1932г. теоретическом журнале «Эспри» /«Дух»/, он с такой же остротой критиковал марксизм. Общество личностей, подобное христианской общине, должно, по мнению Мунье, избежать крайностей индивидуализма и тоталитаризма. В одном из номеров журнала он намекнул на свое сочувствие движению Сопротивления. В целом политическая позиция философа, сводившаяся к «атлантизму» /выжиданию/, вызывала недоверие в обоих лагерях.

Еще дальше отстранился от политики известный католический священник, философ-персоналист Морис Густав Недонсель /р.1905/, издавший в Париже ряд работ в 1942 и 43 годах. Нейтральную по отношению к острым событиям общественную мысль занимал видный последователь и ученик Эмиля Дюркгейма, социолог-позитивист и этнолог Марсель Мосс /1872-1950/.

Лицо интеллектуального коллаборационизма представлял крупный писатель Пьер Дриё ла Рошель /1893-1945/. Заслуживший три награды на фронтах первой мировой войны, он обобщил свой военный опыт в безупречной по мастерству серии новелл «Комедия Шарлеруа» /1934/. Позднее Дриё говорил: «Чего бы я ни касался, все было или намеком на войну, или излишним балластом». Отвращение к грязному политическому миру, провоцировавшему войны, испытывал не только участник жестокой битвы при Шарлеруа. Воевавший на другой стороне немецкий писатель и легендарный офицер Эрнст Юнгер в знаменитой книге «Война как внутренний опыт» /1922/ писал: «Современному миру недостает культуры войны – морального сознания того, что война может быть делом чести... Вот он, настоящий человек, гениальный солдат, элита центральной Европы. Настоящая раса, умная, сильная и волевая». В том же 1922 году Дриё ла Рошель издал книгу «Масштаб Франции». – Переживая упадок жизненной силы своего государства, он утверждал: «В 1914г. Франция была подавлена численностью и организацией немецких войск, а в 1918г. спасена вмешательством многочисленных американских соединений». С первых творческих шагов писа-

теля в его произведениях ощущалось разочарование вчерашнего бойца, не желавшего примириться с потерей Францией первого места в мире. Он упрекал французов в том, что они упиваются своей посредственностью. В 20-е годы Дриё, наблюдая сходные явления по всей Европе, пришел к выводу о конце эпохи самостоятельных государств.

С этого времени всю его политическую публицистику пронизывает идея единой Европы: «Юный европеец», 1927; «Женева или Москва», 1928; «Европа против отечеств», 1931; «Фашистский социализм», 1934»; «Рядом с Дорио», 1937г. После поездки в Германию в 1934 году Дриё возложил все надежды на национал-социалистическое государство. «В гитлеровской Германии есть какая-то моральная сила», – написал он в книге «Масштаб Германии». К концу 30-х годов были опубликованы самые известные произведения Дриё, рисующие, хотя и не без лиризма, упадок французской нации и разложение общества: «Болотные огни», «Мечтательная буржуазия», «Жиль». После поражения Франции писатель без колебаний встал на сторону немцев. С середины 1941г. он осуществлял официальный надзор за литературой в Виши и в течение двух лет редактировал ведущий коллаборационистский журнал «Новое французское обозрение» /NRF/, активно участвуя в работе Европейского клуба писателей. Дриё состоял членом Французской народной партии Жака Дорио, которого считал самым авторитетным политиком Франции.

Ставка на франко-германский союз, как почву единой Европы, не мешала Дриё ла Рошелю видеть все препятствия на этом проблематичном пути. В июне 1940г. он записал

в дневнике: «Не имея диктаторов, Франция и Англия не смогли дать Женеве /Лиге Наций – И.Б./ власть, которая могла бы подчинить Европу. Это было не под силу председателям госсчетов с их эфемерными и малозначительными мандатами. Демократия не могла создать единую Европу, ведь она не могла уже править даже собственными отечествами. Франция нуждается в том, чтобы Германия вырвала ее из провинциализма и бросила в великий поток автаркии, располагающей огромными средствами... Немецкий социализм, ослабленный остатками капитализма /!/, вооружен лучше, чем плутodemократия Рузвельта, чтобы организовать широкую автаркию без миллионов безработных». Однако разочарование Дриё в обеих сторонах быстро нарастало. Режим Виши и раньше представлялся ему «самодержавием без самодержца, без мужского начала». «Это старая Франция правых сил, полностью изношенная и разъедаемая длительным подчинением предрассудкам левых... Сторонники Морраса, которые слишком поздно добились своего, а за ними католики, республиканцы или правые либералы – всего лишь тени от прошлых противников», – писал Дриё в октябре 1941г.



Ход событий укрепил его сомнения и в немецкой политике. Он упрекал оккупационные власти в нерешительности и неумении действовать: «За немцев страшно, видно, как из месяца в месяц их задачи расширяются и усложняются... Они все больше заняты на Востоке и ничего не решают на Западе. Они не приближаются к решению французского вопроса». Позднее Дриё ла Рошель называл политику немцев «никудашной», находя этому более глубокое объяснение. Он критиковал национал-социализм за нежелание обратиться к внутренним источникам обновления, имея в виду уничтоженное в 1934 году левое крыло партии. По его мнению, Гитлер погубил себя, убив Грегора Штрассера и Рема, вместо того, чтобы избавиться от Папена, генералов и опекаемой Герингом старой промышленной верхушки. В январе 1944г. Дриё писал: «Немцы пожинают то, что посеяли в 1940 и 41 годах: отсутствие революционного духа. Оправдать вторжение и оккупацию они могли только лишь революцией. Ведь дело было не в том, чтобы захватить Эльзас, а в том, чтобы уничтожить таможенные границы и объединить Европу против России... Какую великолепную социалистическую и расистскую революцию в Европе провалил Гитлер!».

Отношение Дриё ла Рошеля к Советскому Союзу было двойственным. Основную опасность от поражения немцев он видел в неизбежном распространении американской гегемонии на Европу: «Следует уповать на победу русских, но не американцев... Это раса, это народ, тогда как американцы – собрание метисов». Ненависть Дриё к «безвольной, развращенной буржуазии» осталась стержнем его мировоззрения: «Если бы я мог стать сегодня коммунистом, я бы сделал это только для того, чтобы прожить достаточно долго и увидеть, как из буржуа потекут мёд и кровь под русским сапогом». За полгода до самоубийства Дриё ла Рошель подвел итоги своему полному драматизму политическому пути: «Я был прав в 1934г., когда написал в «NRF», что национал-социализм является раздраженной реакцией Германии, которая чувствует себя постаревшей, умалившейся перед лицом поднимающегося славянского гения... Сегодня монархия, аристократия, религия обретаются в Москве и нигде более».

К деятелям культуры, связанным с режимом, со скрытой враждебностью относились те, кто находил способы выражать иные художественные и публицистические идеи. В период немецкой оккупации появлялись самые разнообразные произведения, включая авторов оппозиционного толка и тех, кто тайно примыкал к Сопrotивлению: стихотворения Одиберти, Арагона, Тардые; эссе Валери, Башляра, Полана; романы Сименона, Эме, Кено. Философ-экзистенциалист Альбер Камю дебютировал в 1942г. в Париже романом «Посторонний». Недостаток бумаги не помешал Ж.-П. Сартру опубликовать в 1943г. свою главную книгу «Бытие и время». Исключительно оживленно протекала театральная жизнь Парижа. С успехом шли пьесы Ануя, Жана Кокто, Клоделя, Монтерлана, Жироду, Сартара, Камю. Администрацию «Комеди Франсез» возглавляли романист и

публицист Жан-Луи Водуайе /1883-1963/ и популярный драматург Эд Бурде /1887-1945/. В это время был снят известный французский фильм «Дети райка» Карне и Превера. Из перечисленных лиц, по мнению современного исследователя Жака Бреннера, «лишь Арагон обрёл чувство родины и горечь поражения. Французская «родина» для остальных писалась с маленькой буквы».

С движением Сопротивления сотрудничали второстепенные писатели, публиковавшиеся под псевдонимами в подпольных изданиях или за границей: Ж.-Р. Блок, Арагон, Валери, Элюар, Роже-Вайян, Ф. Мориак, Роже Мартен дю Гар... Сент-Экзюпери – единственный из этого ряда, кто жил за пределами Франции. Певец мирового коммунизма Ромен Роллан /1866-1944/ провел последние годы в зоне Виши. Там он, сознавая, что вышел из круга действия, отдался воспоминаниям. Работал над биографией погибшего в 1914г. в бою французского националиста Шарля Пеги. В 1942 году издательство «Альбен Мишель» опубликовало начатую им еще в 20-е годы автобиографию «Внутреннее путешествие» /1942/, о которой Дриё ла Рошель писал: «Какая вульгарная мысль, какой отвратительный стиль! Ещё один из Эколь Нормаль. Какое низкое отродье!».

Определённо, чистых идеалистов было немного и на стороне правых, хотя традиция концентрирует в людях более высокие свойства, чем политическая мода. Но не случайно большинство консервативно настроенных лиц, работавших в зоне оккупации и в пределах Виши, послевоенная юстиция не признала коллаборационистами. Это означало, что их деятельность расценили как нормальное проявление творческого духа. Если бы политическая картина континента сложилась по-другому, художественный и нравственный потенциал этих произведений искусства мог бы служить образцом для культуры будущей объединенной Европы. Культурная панорама Франции 1940-44 годов не ограничивалась философией, литературой и театром. В ней нашли место творцы изобразительного и музыкального искусств. Среди знаменитых – композитор Жорж Орик /1899-1983/ и пианист Альфред Корто /1877-1962/; художники Пикассо, Жорж Брак /1882-1963/ и Морис Вламинк /1876-1958/... Разные направления и стили.

Такое стало возможным благодаря тому, что идеологический надзор за общественностью и организацию культурной жизни во Франции осуществляла в либеральном духе небольшая группа немецких должностных лиц во главе с Отто Абецом /1903-58/. Профессор рисунка, до войны живший в Париже, член НСДАП с 1931г., организатор германо-французских молодежных встреч 1930-33гг., Абец несколько лет был референтом по Франции в имперском руководстве Гитлерюгенда. Перейдя в министерство иностранных дел Германии, он в 1938г. стал помощником Риббентропа, а затем его личным представителем во Франции. Дальше вся его карьера была связана с этой страной. С начала оккупации он представлял МИД при командующем вооруженными силами генерале

Штюльпнагеле. Ему поручили формировать в общественных кругах Франции положительное отношение к Германии. Уже через месяц Абец отвечал за решение политических вопросов в оккупационной зоне и поддерживал контакты с правительством Виши, а с августа 1940г. занял пост посла Германии в Париже с обширными полномочиями. В своей книге «История франко-германских отношений 1930-59 годов» он утверждал, что целью его деятельности всегда было возрождение единства двух народов в духе римско-греческой империи Карла Великого /I-й Рейх/. Однако, писал Абец, нацистские функционеры противились этой политике. В результате интриг в руководстве Германии он на год был отставлен от своих обязанностей во Франции, вернувшись туда в ноябре 1943г. Карьера Абеца закончилась через год в Зигмарингене, после того, как ему не удалось уговорить своего друга Лавалья продолжить сотрудничество с Германией.

Еще два немецких специалиста, представлявшие разные ведомства Германии, эффективно контролировали общественную атмосферу Франции. Один из них – Карл Эптинг /1906-79/, директор специализированного Немецкого института, ответственный по вопросам культуры при Отто Абеце. Служивший до войны в отделе университетских обменов с Францией, Эптинг играл важную роль в привлечении французских интеллектуалов на сторону Германии.

Лейтенант вермахта Герхард Геллер с ноября 1940 по июль 42г. руководил службой спецпропаганды, а затем занял пост атташе по вопросам литературы в немецком посольстве в Париже. Геллер располагал большими полномочиями, давая разрешения на публикации в издательствах и прессе Франции. Высокообразованный чиновник дружил со многими французскими писателями и был либерален в меру возможностей.

Значительный интерес к французским делам проявлял шеф службы безопасности Германии /СД/ Рейнхардт Гейдрих. Одновременно с вступлением немецких войск в Париж он послал туда команду из двадцати человек во главе с Гельмутом Кнохеном /1910г.р./, доктором философии, получившим образование в четырех крупнейших немецких университетах. До 1937 Кнохен работал в официальном агентстве германской печати /ДНБ/, а затем перешел в центральное ведомство службы безопасности, где занялся анализом германской, французской, бельгийской и голландской прессы, а также сбором информации об эмигрантах. В 30 лет Кнохен успел заработать Железные кресты I и II степени за организацию крупной разведоперации против английской спецслужбы. В 1938г. он сформировал в СД группу знатоков Франции. Среди них выделялись 27-летний журналист с дипломом Берлинского университета Хаген и два офицера Р. Нозек и Кифер, отлично владевшие английским, французским и испанским языками. Все члены команды Кнохена специализировались на анализе иностранных кру-

гов, представлявших интерес для Германии. Заранее было собрано огромное количество материалов о Франции, её администрации, экономике и политике, деятелях культуры и религии. Сотрудники специального отдела СД годами изучали «регион V» /Париж/. Сам Кнохен еще в 1937г. с этими же целями посетил всемирную выставку в Париже.

В оккупированной Франции Гельмут Кнохен официально возглавлял службу безопасности, но сфера деятельности его команды не ограничивалась полицейскими функциями. Опытный сыщик Бемельбург, единственный гестаповец в группе Кнохена, организовал закрытие офисов антигерманских учреждений, конфискацию архивов, обыски у немецких эмигрантов, масонов и некоторых политиков, в то время как другие члены команды выполняли более интеллектуальную работу. Зоммер занимался коллаборационистскими партиями. Сам Кнохен, пользуясь своей интеллигентностью и умом, стал завсегдатаем парижских салонов, присутствуя на всех собраниях и празднествах активистов франко-германского сближения, и получая там массу нужных сведений. Он добился победы в этой неожиданной области, конкурируя с несколькими нацистскими ведомствами, искавшими первенства во французских делах. Однако полицейские полномочия у Кнохена отобрал в апреле 1942г. Гиммлер, передав их своему личному представителю К. Обергу. В идеологической сфере группе Кнохена противодействовал штаб Розенберга во Франции. Самостоятельно работал Отто Абец, руководивший действиями секретной государственной полиции по вопросам французской внутренней политики, пропаганды, печати и радио. Посольство Абеца располагало услугами экспертов из числа лидеров коллаборационистских и антисемитских групп. Среди них выделялись политические активисты: де Пелльпуа, Бюкар, Клеманти и профессор антропологии Жорж Монтандон.

В свою очередь, люди Кнохена поддерживали контакты с лицами, близкими к исследовательской организации «Аненэрбе», – ректором Мюнхенского университета доктором Вюстом, руководителем медицинского факультета Страсбургского университета Августом Хиртом, известным расологом Фридрихом Хильшером. Глава гестапо Генрих Мюллер, сторонник более жёстких методов обращения с теми, кто не до конца принял нацистскую идеологию, обвинял Гельмута Кнохена в преклонении перед французской культурой и «западнофильстве». Он утверждал, что Кнохен проявляет опасную мягкость к людям Запада, что он развращен и покорён их формой мышления и обычаями. Удивительным образом эти обвинения совпадали с упреками в чрезмерном либерализме, обращенными Дриё ла Рошелем к оккупационным властям. Дриё в согласии с полицейским министром Виши Жозефом Дарнаном причислял самого Лавалея к лицам, тайно общавшимся с франкмасонами. В действительности, эта искушённая в маска-

радах тайная организация сумела сохранить свою структуру и кадры, несмотря на видимую непреклонность в её выявлении немецкими службами.

Крайне правое крыло коллаборационистов во Франции до конца 1941г. находилось под опекой специалиста по сепаратистским партиям бригадефюрера СС доктора медицины М. Томаса. Политическими советниками Томаса стали создатели партии «Социальное революционное движение» Э. Делонкль и Фиполь. Активно работали в этом направлении: пронацистское рекламное агентство «Прима», антиеврейское объединение де Пелльпуа «Франс аншене», издательство Поля Фердонне «Гран Оксиден», комитет «Франция-Германия» Жоржа Скапини и де Бринона. Эти информационные службы и движения способствовали восприятию нацистских идей значительной частью французского общества. Сыграло роль и то, что благожелательно относящиеся к Германии французы давно находились под наблюдением двух солидных немецких учреждений: издательства «Вельтдинст» /«Мировая служба»/ с резиденцией в Эрфурте, выпускавшего дважды в месяц бюллетени «Сервис мондиаль» на шести европейских языках и «Немецкого союза Фихте» из Гамбурга, распространявшего пангерманистские материалы.

Постоянно наращивали усилия по «освоению» Франции службы А. Розенберга. В ноябре 1941г. эксперт внешнеполитического бюро НСДАП Г. Эберт получил задание наблюдать за общественными движениями Франции, установив контакты с их лидерами. Подобные поручения в Бельгии, Голландии, Норвегии, Дании и других странах выполняли В. Дайц, Шейдт и другие люди Розенберга. Для придания устойчивости этому процессу и подведению экономического фундамента под коллаборационизм в восточном министерстве был создан непосредственно подчинявшийся Розенбергу специальный сектор во главе с Маллетке. Он возник в связи с вопросом об участии европейских стран в «восстановлении Востока», как планируемой части объединенной Европы. На серии совещаний в Берлине с представителями министерства экономики, ОКВ, экономического штаба «Ост» и германских фирм были признаны «пригодными к сотрудничеству лишь те народы, которые по своему характеру в состоянии общаться с местным населением так, как хотим мы...». Эксперты остановились на Норвегии, Голландии, Бельгии, Дании, Швеции, Швейцарии, Италии и Венгрии.

Перечисленные ведомства исходили в этом вопросе прежде всего из экономических выгод Германии и готовы были при случае отступить от идеологических положений, в то время как Розенберг по-прежнему преследовал биополитические цели. Министерство экономики, МИД Германии, Геринг и даже Геббельс протестовали против жёсткой политики на Востоке, проводимой по настоянию главы СС Гимmlера. Но и Розенберг в программе Восточного министерства настойчиво призывал к гуманному обращению с населением, облегчению участи

советских военнопленных и прекращению насильственной вербовки населения в Германию уполномоченным по использованию рабочей силы на оккупированных территориях Заукелем.

Тем временем обострились отношения Альфреда Розенберга с МИД. Несмотря на формальный запрет вмешиваться в политику в оккупационных зонах, Риббентроп создал собственный «русский комитет», занятый именно этим. Осенью 1942г. Гитлер, воспретивший подразделениям НСДАП выполнять «общеевропейские и мировые задачи», передал единоличное управление европейской политикой рейха Риббентропу, который отвечал за нее лично перед фюрером. Это серьезно ослабило империю Розенберга, особенно в Западной Европе. Все политические акции теперь должны были согласовываться с МИД Германии.

Поражение немцев под Сталинградом внесло новый импульс в поиски путей европейского объединения. В январе 1943г., после совещания в восточном министерстве с высокими чинами армии и военно-экономических организаций, Розенберг объявил о «новой политической цели в русском пространстве», исходя из установки, что победить СССР можно только с помощью русских. Не дожидаясь ответа Гитлера, он разослал соответствующие директивы в высшие партийно-правительственные инстанции. Через месяц Геббельс издал свою директиву, рекомендуя не унижать и не оскорблять народы оккупированных территорий и прекратить высылку коренного населения. Геринг же считал такие меры недопустимыми даже для улучшения военного положения рейха. Всё это означало новую ставку на коллаборационистов Востока и Запада, интеллектуалов и военных. Тогда же партийная канцелярия запретила использовать понятия «великое пространство», «великопространственная экономика» и т.п., указав на недопустимость до конца войны делить мир на определенные зоны. Суммировав эти настроения, Розенберг и Геббельс призвали пересмотреть политический курс на Востоке и на Западе, выдвинув идею «Европейской декларации», наподобие «Атлантической хартии» союзников по антигитлеровской коалиции. Однако Гитлер отклонил замысел «декларации», как и «Восточную прокламацию» Геббельса /«мы не должны ничего обещать»/.

В публичных выступлениях неофициально оглашались новые экономические цели европейского сообщества: полная занятость, кооперация, блокадоустойчивость, высочайшая обороноспособность и т. д. Усиленно разрабатывались два плана: «европейский социализм» Розенберга и «европейская конфедерация» Риббентропа.

Идея конфедеративного устройства послевоенной Европы впервые прозвучала в памятной записке в МИД Германии внештатного сотрудника «Бюро Риббентропа» профессора Альберта Хаусхофера в ноябре 1941г. Её основное положение

гласило: война, вероятно, не будет выиграна никем. После нее сохранятся уже существующие пространства: англо-американское сообщество, Япония со сферой влияния в Восточной Азии, азиатское ядро Великобритании от Волги до Урала и Байкала. Германия удержит под своим влиянием Европу. «Насильственное покорение русской Евразии, так же мало достижимо, как завоевание Китая», – писал Хаусхофер. В согласии с идеями К. Шмитта о размежевании пространственно-чуждых сил профессор назвал главной целью Германии – добиться отказа англосаксов от вмешательства в Европу. Руководимый рейхом континент виделся А. Хаусхоферу в виде федерации из трёх групп государств. Эстония, Латвия, Литва, Словакия, Хорватия и, возможно, Сербия должны быть присоединены к Германии. Вторую группу составят союзные государства: Венгрия, Румыния, Болгария, при известных условиях – Финляндия, Греция, Украина и, в крайнем случае, – области Кавказа. В третьей группе предлагалось объединить Швецию, Норвегию, Данию, Швейцарию и Италию. За рамками планируемой Европы оставались Франция, Бельгия, Голландия, Испания и Португалия, так как «включение этих стран даже в самую слабую форму европейской федерации пока немыслимо», считал Хаусхофер.

Предложения о месте своих стран в новой европейской структуре выдвигали: Муссерт /Голландия/, Квислинг /Норвегия/, Леон Дегрель /Бельгия/ и фашистские лидеры других европейских стран. Но Гитлер отверг все эти планы. Он высказался за образование великогерманского рейха, единственным сувереном в котором будет нацистская Германия. «Мы не могли бы создать конфедерацию, т.е. одно государство, состоящее из отдельных государств, потому что при первой возможности всё это здание снова развалится. Таким образом, безусловно, необходимо прочное объединение с целью отражения натиска с Востока», – заявил фюрер.

Всё же осенью 1942г. в МИД началась проработка поставленного под сомнение плана, а затем Риббентроп направил Гитлеру несколько меморандумов с настоятельным предложением провозгласить Европейскую конфедерацию, как только Германия добьется крупного успеха в войне с СССР. Он подчеркнул, что с инициативой образования «новой Европы» в последнее время выступили Муссолини, Антонеску, Лаваль, ведущие политики Финляндии, Испании и Балканских стран. Министр рекомендовал ввести в состав Конфедерации Германию, Италию, Францию, Данию, Норвегию, Финляндию, Словакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Хорватию, Грецию, Сербию и Испанию. К ним могли быть причислены подвластные рейху образования, которые возникнут на оккупированных территориях.

Учреждение Европейской конфедерации, по мнению Риббентропа, затруднило бы вражеским державам обоснование смысла своего участия в войне против

«монолитной и единой Европы». Так в МИД был найден самый важный и весомый аргумент в расчете на подрыв антигитлеровской коалиции. Министр считал также, что с провозглашением Конфедерации население оккупированных областей, нейтральных и союзных государств оставит беспокойство о своей дальнейшей судьбе, будет больше доверять рейху и повысит военно-экономический вклад в германский потенциал. «Таким путём можно сберечь много немецкой крови», – рассуждал он. По достижении же победы можно будет перестроить европейскую структуру в сторону усиления единоличной роли Германии. Характерно, что в этих рассуждениях не упоминаются национал-социалистические положения об общности судьбы, нордической расе, европейской семье народов, различных образах жизни и т.д. Методологически Записка Риббентропа перекликалась с проектами Карла Шмитта и немецких геополитиков.

В апреле 1943г. министр распорядился о формировании трёх рабочих групп при Комитете по делам Европы под своим руководством. Туда вошли ведущие лица МИД: фон Штеенграхт, Г. Хунке, Виль, несколько послов, интеллектуалы из СС Зикс и Френцель, профессор Бербер и доктор Мегерле. В распоряжении Комитета находились специалисты ряда научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений. Перед группами ставились задачи: подготовить исторические данные по вопросу о развитии политического устройства Европы с особым учётом прежних форм европейских объединений; составить перечень общеевропейских проблем, подлежащих урегулированию договорным путем; организовать руководство европейской пропагандой рейха. При анализе результатов обращало внимание несоответствие мало реальных целей солидным методам их обоснования. Такой подход был характерен и для других высококвалифицированных нацистских экспертов: Вернера Дайца, Прокша, Ф. Кюля..., принадлежавших к иному идеологическому ряду. Показательно, что ключевые термины из их разработок интенсивно использовались в послевоенных программах творчески бесплодных выходцев из Сорбонны и Гарварда – строителей либеральной «Европы без отечеств».

Летом 1943г. эксперты МИД Г. Фровейн, Р. Ран и фон Рентельн вступили в острую полемику по принципиальным вопросам со своим шефом. Не называя имени, они критиковали точку зрения Гитлера на проблему Европейской конфедерации. Ученые доказывали, что план должен быть реальным, убедительным и привлекать народы, «учитывая их стремление к миру, справедливому разрешению национальных проблем, экономическому и социальному благополучию». Значение пропагандистского элемента сводилось к минимуму. Ран подверг сомнению опасения Гитлера, что любая уступка коллаборационизму может быть истолкована как слабость Германии. Он утверждал, что предложенная им европейская политика «будет нужна нам всегда» – при неудачах в войне и в случае успеха. Сотрудники МИД ратовали за децентрализацию Европы, в которой кро-



ме сильнейшего центра – великогерманского рейха с тяготеющими к нему германскими народами, найдется место для «субгерманских» /юго-восточных и восточных/ народов и Средиземноморья. Они не использовали национал-социалистические идеи для обоснования Европы как биологической общности /«крови и почвы», «своей семьи народов» и т.д./, а оперировали центральным тезисом школы К. Шмитта о невмешательстве пространственно-чуждых сил.

В сентябре появился пакет документов с проектом Евроконфедерации и учредительной декларацией, которую требовалось принять на общеевропейском совещании. В документах говорилось, что СССР, США и Англия не могут предложить ничего нового народам Европы, потому что их планы пересекаются и противоречат друг другу, а интересы вообще не связаны с европейскими нуждами. Необходимо свободное решение европейских стран объединиться в сообщество суверенных государств на федеративной основе, утверждалось в Декларации. То, что в идеологической поддержке своих планов на послевоенный период нуждалась и противоборствующая сторона, доказывали действия Союзников. В марте 1943г. по настоянию Сталина был распущен Коминтерн, а в октябре министры иностранных дел СССР, США и Англии опубликовали Декларацию о всеобщей безопасности. Единство только провозглашалось, но каждый преследовал свои цели. В ответ Комитет по делам Европы подготовил речь Риббентропа, в которой осуждалась антиевропейская политика американцев и англичан, несущая опасность ослабления и «балканизации» Европы. СССР же обвинили в планах «большевизации континента». В вызвавших большой эффект «Десяти тезисах Г. Хунке» говорилось, что национал-социализм требует от предпринимателей лишь обязательного осуществления права на труд /полная занятость населения/ и соблюдения военно-экономических нужд. Все остальные экономические проблемы должны были решаться в соответствии с потребностями дня, без возвышения до уровня хозяйственно-политических принципов.

По заданию МИД Научно-исследовательский институт труда в годы войны занимался организацией международного сотрудничества в области социальной политики. В марте 1944г в Бад-Зальцбрунне состоялась подготовленная Институтом встреча ученых и специалистов нескольких европейских стран по социальному устройству новой Европы. Заключительный протокол назвал целью участников «социалистическую Европу без пролетариев». В июне министр экономики Вальтер Функ, выступая в Кёнигсбергском университете, также говорил о «подлинной экономической интеграции,... когда всем хорошо». Он заметил, что «новый порядок» означает не подчинение других народов, а их сознательное присоединение к «европейскому экономическому сообществу» /!/ без нарушения суверенитета государств /!/. Таким образом, министерство экономики и МИД в заключительной фазе мировой войны тесно координировали действия в евро-

пейском вопросе. Практическую важность имело то, что Гитлер отверг все эти планы по мировоззренческим соображениям.

Не одобрил он и теснее увязанные с государственной идеологией проекты «европейского социализма», разрабатывавшиеся службами А. Розенберга, сочтя их утопией. Здесь первые позиции вновь занимал Вернер Дайц. В соответствии с открытыми им законами он осуждал «искусственные конструкции, которые не покоятся на связи крови и почвы, всегда индивидуалистические и империалистические». Он писал о конфедеративных планах: «Живое биологически-нравственное единство европейской семьи народов растворяется в чисто интеллектуальной, конституционной паутине абстракций, в картеле, объединении, создаваемом в политических целях, членство в котором можно приобрести или отказаться от него по своему усмотрению, исходя из личной выгоды». Дайц рассматривал эти притязания как наследие либеральной эпохи. В этой связи он критиковал Ницше за отсутствие биополитических идей и за уничтожение христианства. «Не христианство, а современный английский либерализм был конечной причиной разложения», – считал учёный – «Он, как английская болезнь, способствовал ослаблению Европы».

Подчиненные Вернеру Дайцу учреждения развили бурную деятельность в последние годы войны. Их результаты публиковались в регулярных «Сообщениях» Института Европы, в монографиях, статьях и книгах самого Дайца. В труде «Жизненное пространство и справедливая организация мира» он заявил о необходимости во имя общего блага новой Европы поступиться даже государственным суверенитетом, приспособив его к нравственному закону /«общее благо выше корыстолюбия»/. Народный суверенитет выше государственного, утверждал Дайц, потому что сберегает индивидуальность каждого народа, а на творческом неравенстве людей и народов как раз и зиждется подлинный социализм. Поэтому «существует не только право, но и обязанность на народность», писал он. «Идеалом национал-социализма является не унифицированный европеец, а прочное европейское размежевание в нерушимых рамках семьи народов. И только отсюда разовьются затем новые государственные суверенитеты... как выражение суверенитетов народных. Они не будут служить, как прежде, ослаблению народностей, – и тем самым, ослаблению европейской семьи народов, но укреплению обеих».

В начале 1944г. Дайц опубликовал книгу «Возрождение Европы с помощью европейского социализма. Европейская хартия». В ней он обнародовал предложенную биополитиками антиатлантическую декларацию. Центральное место в книге заняла евросоциалистическая идея, /так возник термин «евросоциализм», использованный левыми в 70-е годы /!/. Это квинтэссенция всего написанного В. Дайцем ранее. Здесь утверждалась неизбежность борьбы с «империалистиче-

скими» системами – либерализмом Запада и большевизмом Востока. Дайц расправлялся с геополитическими и правовыми представлениями прагматиков, обвиняя их в уступках универсальной идеологии прежних времен, нашедшей законченное выражение в Атлантической хартии. Он настаивал на необходимости оторвать Западную Европу от Америки и Восточную Европу от неестественных отношений с Центральной Азией, возродив биологическую целостность европейской семьи народов. Это единственный способ приблизиться к европейскому социализму, к мирной организации Европы и всего мира. В такой планетарной перестройке заключался, по мнению автора, глубинный смысл второй мировой войны, рождающей европейскую нравственность, без которой немислим подлинный социализм.

В одной из речей летом 1944г. Вернер Дайц сделал неожиданное заявление о незавершенности национал-социалистического мировоззрения и дополнил положение о евросоциализме мыслью о том, что «утрированное общее благо не должно разрушать источник жизни общества, а также индивидуальность отдельного человека... и семьи народов». Эта новая для национал-социалистов постановка ключевой проблемы вела к заключению о принципиальной невозможности построения «естественного социализма» какой-либо одной народной общностью. Отсюда вытекало и то, что национал-социализм и европейский социализм не могут существовать по отдельности, друг без друга. Говоря о предвоенной ситуации в Европе, Дайц сожалел, что европейский аспект «естественного социализма» игнорировался в Германии всеми ведомствами, кроме «империи» Розенберга.

Ученый не ограничивался изложением своих идей. С 1943 года он делал практические шаги по воплощению евросоциалистической концепции. Его интересы распространялись на всю Европу – Восточную и Западную. В письме Розенбергу /июнь 1943/ он заявил, что народы Восточной Европы надо рассматривать как «более или менее близких членов общей семьи народов». В этом духе Дайц вместе с управлением военной пропаганды ОКВ распространял листовки в лагерях военнопленных на Восточном фронте и сформулировал «принцип движения Власова». Он пытался также организовать «Специальный отдел Восток» в структуре партийной службы Розенберга.

Поскольку команда Дайца опекала в основном западную часть континента, деятельность «евросоциалистов» была более результативной в Голландии, Бельгии и особенно в вишистской Франции, сотрудничеству с которой после серии поражений на Востоке в Берлине придавали первостепенное значение. Здесь В. Дайц опирался на помощь германского посла в Париже О. Абеца, командующего Западным фронтом фон Рунштедта и начальника военной администрации оккупированной зоны Михеля. Рвение в сотрудничестве с людьми Розенберга

проявляли активисты режима Виши: министр производства Бишелонне, статс-секретарь министерства информации Люшер, дипломатический представитель в Берлине граф де Бринон. Идеи европейского социализма неустанно пропагандировали члены движения «Коллаборасьон» и «Объединения французских сил за континентальный союз».

Официально интересы Дайца в Париже представлял близкий сотрудник Розенберга Г. Эберт. Его переговоры с французскими коллаборационистами привели в январе 1944г. к учреждению правительством Виши межведомственного Центра экономических исследований во главе с Бишелонне. Центр изучал вопросы автаркии, экономики великого европейского пространства, франко-германского сотрудничества, тесно взаимодействуя с дайцевским Центральным исследовательским институтом, фактически в роли его филиала. Вскоре усилиями Эберта и Бишелонне во Франции возникло Общество научного исследования великого пространства, находящееся в персональной унии и деловых контактах с соответствующей организацией Дайца. Наконец, по его инициативе вишистское правительство образовало в начале того же 1944г. «Европейское издательство», возглавлявшееся на паритетных началах Люшером и Эбертом. Все три французские новообразования направлялись из единого центра, занимаясь детализацией идей евросоциализма применительно к специфике разных стран.

В связи с возросшими задачами по пропаганде европейского социализма во Франции, Голландии, Бельгии и других странах, Институт Европы В. Дайца принял исследовательскую программу на основе углубленного освоения биополитических законов, которые учёный уравнивал с законами, действующими в естественных науках. Он писал: «Сфера неорганического управляется нерушимыми законами природы, сфера органического – неопровержимыми биологическими законами, а сфера социального сосуществования – столь же неизменяемыми законами жизни, которым должна следовать человеческая воля. Эти три группы законов являются законами бытия, вечной жизни всего сущего». В февралемарте 1944г. Дайц прочитал в Париже серию лекций «Возрождение Европы из законов жизни европейской семьи народов». Его слушателями были чины германского посольства, офицеры Западного фронта, вишистские журналисты, участники движения «Коллаборасьон». В этих лекциях он скрыто критиковал отступление Риббентропа от принципиальных пунктов нацистской программы. Французские сюжеты выступлений Дайца отразили растущее стремление национал-социалистов представить вишистскую Францию равноправным союзником Германии.

В одной из лекций он предъявил новые небезосновательные обвинения СССР и США. «Сталин пытается создать организацию восточноевропейского пространства, заимствуя национал-социалистические идеи о праве народов на свободное

национальное развитие», – заявил Дайц, – «и точно так же Рузвельт стремится разрушить Европу, в то время как он вынужден перенять наши экономические идеи».

В начале 1944г. руководитель особой группы «Наука» Оперативного штаба Розенберга Г. Хэртлэ составил план, предусматривающий привлечение немецкой науки к изучению проблем «марксизма-большевизма». Начальник рабочей группы «Украина» Р. Прокш пояснил, что постановка задач в плане Хэртлэ является общеевропейской, так как необходимо найти и освоить для решения этой проблемы все европейские источники. В рамках Плана изучалось экономическое положение и социально-политическая обстановка в странах Европы, велся социологический анализ народов континента и многое другое. Летом эта идея воплотилась в Рабочем сообществе по изучению всемирной опасности большевизма. Среди многих экспертов к работе привлекли профессора Р. Хёна вместе с научными сотрудниками руководимого им Сообщества специалистов в области государственного права. Они получили задание изучить государственное и административное право в СССР. Другая структура – Центр по изучению Восточной Европы при министерстве Розенберга во главе с профессором фон цур Мюлленом /образован в июле 1943/, координировал работу институтов и других учреждений по исследованию восточного пространства и готовил рекомендации для правительственных органов. Ещё один Институт континентально-европейских исследований, руководимый выходцем с Кавказа профессором А. Никурадзе, занимался проблемами развития северных регионов восточной Европы, Прибалтики, Белоруссии, Украины, России, областей расселения казаков, Туркестана и Кавказа. Здесь изучались история, экономика, национальная политика, искусство этих территорий.

В конце войны в рейхе под руководством Оперативного штаба была проведена крупная антисоветская пропагандистская акция с участием немецких профессоров – специалистов по марксизму, СССР, европейским странам, международному праву, национальным отношениям и т.д. К концу 1944г. число разработок Штаба превышало пять тысяч /1090 экспертиз/. Их материалы, охватывающие весь континент, постоянно использовали партийные инстанции, ОКВ, СС, министерство Геббельса, институты и университеты.

Наряду с идеями, допускающими на определенных условиях вхождение России в будущую объединенную Европу, намечались другие цели. Их выразителем был Р. Прокш, подготовивший в 1944г. «Европейский план», ориентированный исключительно против СССР. Главные пункты плана сводились к серии исследований, объектами которых были: 1. психология, «расовая субстанция», биологические силы, социально-экономические условия и социологический состав народов, населяющих соответствующие пространства; 2. автохтонные

/существующие с древности/ силы европейского пространства в их историческом развитии и значении в настоящее время; 3. влияние пространственно чуждых Европе сил; 4. ныне существующие политические взаимодействия: большевизм, католицизм, американизм – организации, личности, политические программы, цели, точки зрения на государство и т.п.

Одновременно с «Европейским планом» в Оперативном штабе для оккупированных территорий готовилось создание Специального отдела по решению мировоззренческих вопросов под руководством главы рабочей группы «Бельгия – Северная Франция» Г. Мухова, помогавшего В. Дайцу распространять идеи евросоциализма. Начальник Штаба Г. Утикаль утверждал, что главная задача Отдела должна иметь «решающее значение для духовной организации Европы». 16 декабря 1944г. он сказал: «Низвержение врагов и завоевание мира зависят не только от военных и экономических мероприятий. Прочной перестройке Европы можно способствовать лишь, когда нам удастся дать этой новой Европе правильные духовные и культурные основания... От нашей работы и активности зависит, будет ли эта концепция претворена в жизнь и, следовательно, возьмут ли во всемирно-историческое время руководство в новой Европе силы, лучшие в расовом и производительном смысле, или она будет уничтожена в большевистском хаосе».

Речь шла уже не о германской колонизации, но на первый план выдвигались духовные и философские цели войны. Ещё в августе 1943г. Прокш говорил, что в войне не умирают за завоевание новых территорий или овладение месторождениями. «Речь идет о лучших человеческих ценностях. О самых глубоких вопросах – о подлинности, истинности в жизни». Главную задачу он видел в преодолении американизма /эксплуатации человека человеком/ и большевизма /насилия над человеком/. Тогда возродится взаимное уважение людей, что будет знаком возвращения к природе, попорченной этими фальшивыми политическими системами. «Нашей целью является отыскать миру добро», – заключал Прокш. В январе 1945г. он призвал немцев подать миру пример построения государства нового типа – «государства заботы, добра и счастливой жизни». Так зарождались элементы концепции «национал-социализма с человеческим лицом» /!/ Подобные философско-этические размышления восходили к раннему Розенбергу, в «Мифе XX века» /1930г./ указавшему на естественные /природные/ основы национал-социалистического мировоззрения.

На совещании Оперативного штаба в декабре 1944г. Р. Прокш сказал: «Пришёл час Европы. Поэтому надо признать: народы отличаются друг от друга в духовном и физическом отношении... Мозаика многих возможностей... Если произносится слово «Европа», подразумеваются они все... Нынешнюю войну за Европу должна сопровождать новая идея. В войнах, которые ведутся за решение идео-

логических вопросов, всегда побеждают более сильные идеи. В этом заключается духовное поручение рейху. Целью является единство в многообразии... свобода народов в единстве континента». То же самое утверждали Розенберг и Дайц в первой половине 30-х годов.

Особое внимание в Оперативном штабе теперь уделяли Восточной Европе. В отличие от западной части континента, которую предполагалось просто «вернуть» Европе, на Востоке задача виделась в преобразовании на основе новой восточной политики отдельных территорий перед включением в единую европейскую систему. «Мы на Востоке политически провинились», – писал Прокш в журнале «Ди акцион» /сентябрь 1944/. – «Будущая восточная политика должна включать, однако,... здоровое признание качественных пределов, отделяющих «людей Востока» от «людей Запада». Ставилась задача – «улучшить характер» восточноевропейских народов, так как с ними, и ни с кем иным, придется заниматься строительством новой Европы. Прокш советовал «убрать из душ мусор и заботиться о новых народах». Относительно России господствовала особая точка зрения. В декабре 1944г. на совещании Оперативного штаба Р. Прокш сказал: «Желание присоединить к Европе Россию с её территорией от Ленинграда до Владивостока является утопией и вряд ли станет действительностью когда-либо в будущем». В любой момент, пояснял он, Россия может выйти из концерта мировых держав и пойти своим путем. Группа теоретиков Штаба усматривала угрозу для Европы в России «более национального оттенка» /большевистской или «власовской»/. По этой причине Розенберг обвинил Риббентропа и Гиммлера /!/ в формировании Русской Освободительной Армии и фактическом поощрении лозунга «единой и неделимой России».

Таким образом, переосмыслив претензии на завоевание «великого жизненного пространства», идеологи национал-социализма в конце войны вновь обратились к духовным поискам иррационального толка периода борьбы за власть.

Между тем, ортодоксы порождали всё новые идеи. В их основе неизменно лежало первенство партии над государством. Главная задача задуманного В. Дайцем Управления по делам Великой Европы виделась в учреждении «Совета семьи народов» в целях строительства европейского мира без гражданских войн между народами континента. Розенберг писал начальнику партийной канцелярии Мартину Борману и слал меморандумы Гитлеру о важности усиления духовного противоборства в гораздо большей степени, чем в начале войны. Он просил фюрера образовать высшую европейскую инстанцию для разработки европейской идеи /1944г./. Однако влиятельный бюрократ правительственной формации, шеф имперской канцелярии Ганс Ламмерс в резкой форме отверг эту идею. В письме Гитлеру /октябрь 1944/ Розенберг, детализируя свои мысли о судьбе восточного пространства, предлагал добиваться преодоления взаимного

отчуждения русских, украинцев и кавказских народов выдвижением общей европейской идеи. Её воплощение на территории СССР виделось министру в виде автономных образований, управляемых титульными нациями под германской опекой в «воспитательный» период. Гитлер ответил молчанием.

Тем временем возникла проблема удержания оставшихся союзников-коллаборационистов. В связи с этим Вернер Дайц в «Меморандуме о европейской пропаганде» /сентябрь 1944/ говорил, что только сейчас, после отступления немцев в Западной Европе и на Балканах, «большой массе населения в странах, оккупированных ранее Германией, становится ясно, насколько им было лучше при германском управлении по сравнению с наступившим теперь положением». Он утверждал, что национал-социалистическое мировоззрение никогда не сможет сохраниться в Европе как изолированный остров, но имеет право на существование только в качестве ядра нового европейского мировоззрения. Дайц призывал партийных единомышленников вернуться к тактике НСДАП 20-х годов: «Проповедь и пресса!». Здесь люди Розенберга нашли союзников в министерстве народного просвещения и пропаганды. Новое направление предусматривало координацию действий с Геббельсом, но не с Риббентропом, чей «оппортунизм» становился все ощутимей. В. Дайц предложил подключить к идеологической и пропагандистской войне журналистов и коллаборационистов, нашедших последнее убежище в рейхе, ориентируя их на разработанные принципы европейской политики. «Впоследствии на этих принципах, – писал он, – каждый народ должен революционным путем осуществить свое собственное народное и в тоже время европейское обновление». В развитие этой идеи Дайц намеревался преобразовать находившийся под его опекой Институт Европы в своеобразный центр идеологической переподготовки коллаборационистских кадров. В этом Институте он планировал учредить постоянный комитет из немецких и зарубежных журналистов для распространения европейской идеи.

В сентябре 1944г. один из руководителей Института Европы Ф. Кюль провел серию бесед с начальником зарубежного отдела геббельсовского министерства Мэлике, который подключил к совместной работе руководителей других министерских отделов: Отто Дитриха, Браувейлера, Фриче. После этого в рамках акции «Проповедь и пресса» в Институте Европы началась активная подготовка к международным встречам эвакуированных коллаборационистов ряда стран, прежде всего Франции и Бельгии. Первая «Европейская беседа» прошла в ноябре. На ней были обнародованы положения нового меморандума А. Розенберга «Единый континент». В его основе лежали идеи В. Дайца о Европе, в которой не будет места противоборству великих держав, коалициям и враждебным группировкам. Утверждалось единство всех наций, проживающих на континенте. Меморандум призывал к мобилизации всех сил, чтобы не допустить проник-



новения большевизма в Центральную, Западную и Южную Европу. В противоречии с реалистическими мотивами плана максимальная задача виделась министру в повторной оккупации Восточной Европы, народам которой обещалась самостоятельность после победы национал-социализма.

На рубеже 1944-45 годов пропаганда идеи европейского социализма перешла в руки Геббельса. Его службы опекали работу «третьего конгресса Союза национальных журналистских объединений в Вене», о котором подробно сообщала газета «Фёлькишер беобахтер» /13-15.12.44г./. Там присутствовали представители двадцати двух европейских наций, в большинстве – активные коллаборационисты. Среди них: французский делегат Марсель Деа, вождь валлонских фашистов Леон Дегрель, руководитель «комитета фламандского освобождения» ван де Виль, венгерский министр культов Ф. Райнис и другие. С немецкой стороны в работе конгресса принимали участие доверенные лица министра пропаганды: О. Дитрих, Г. Зюндерман и др. Конгресс проходил под лозунгом «социалистического преобразования Европы». «Центральное решение» предусматривало объединение всех стран вокруг германского рейха. Только в этом случае, сказал Дитрих, можно добиться «социалистического освобождения» и открыть народам путь к «подлинному социальному прогрессу, ведущему в новое великое и счастливое будущее». Зюндерман говорил о необходимости европейского союза созидательных наций, а президент Союза В. Вайс в заключительной речи призвал к формированию «единого фронта душ и сердец Европы в борьбе против большевизма». Ни Розенберг, ни Дайц, принимавшие активное участие в подготовке венского конгресса, не упоминались в отчете главной партийной газеты.

Интенсивные усилия по воплощению европейской программы национал-социалистов в конце войны предпринимал Риббентроп. В отличие от Розенберга ведущие лица МИД приспособляли свои программы к изменяющейся военно-политической обстановке без оглядки на идеологию. С осени 1944г. значительно оживилась деятельность Комитета по делам Европы при министерстве иностранных дел. Отбросив теперь как неактуальную идею конфедерации, члены комитета приступили к разработке новой «немецкой европейской концепции», с помощью которой надеялись обосновать господствующее положение рейха в Европе. В полемической форме обсуждались острые проблемы, в частности, вопрос о более терпимом отношении к либерализму /!/, всегда подвергавшемуся жесточайшей критике национал-социалистами. Один из руководителей имперского министерства по делам науки, воспитания и народного образования А. Хольфельдер говорил, что идеи не могут овладеть массами, если в них нет нужды. Поэтому необходимо делать различие между либерализмом и индивидуализмом. Такая постановка проблемы в истории нацистской идеологии встретилась впервые.

Комитет Риббентропа провел в Веймаре международный семинар «Европа в час решения». 5 января 1945г. формально под эгидой Немецкого института зарубежных исследований собрались более ста пятидесяти немецких и иностранных ученых, политиков, представителей министерств и ведомств. Был заслушан доклад о европейском социализме, трактуемом в духе решений международной встречи в Бад-Зальцбрунне, а не с позиций В. Дайца. Участник семинара, личный представитель Розенберга, начальник специального Штаба по решению мировоззренческих вопросов Г. Мухов подчеркивал впоследствии, что на семинаре отсутствовала «ясная установка и взлёт революционного желания, целеустремленное немецкое руководство и терминологическая четкость». Однако построения розенберговских ортодоксов уже мало кого интересовали в Германии.

Именно в это время Риббентроп попытался подчинить себе все организации рейха, занимавшиеся делами «новой Европы». Готовилось слияние в Кружок по изучению Европы соответствующих служб Розенберга, Немецкого института зарубежных исследований при МИДе, Европейского управления СС, Зарубежного управления НСДАП, Немецкого трудового фронта и т.д. Все эти внушительные силы Риббентроп хотел ориентировать на решение первоочередных практических задач, связанных с подготовкой возможных сепаратных договоренностей с Англией и США.

Дело в том, что в январе 1945г. Гитлеру поступило несколько записок от видных представителей крупного капитала, правительственных инстанций и вооруженных сил, в которых фактически признавалось, что война проиграна. Рекомендуя незамедлительно войти в контакт с лидерами США и Англии для прекращения военных действий на Западном фронте, МИД Германии предпринял последнюю безнадежную попытку сформировать новую коалицию против СССР. Готовность вступить в военно-политический блок с Великобританией и, возможно, с США оговаривалось требованием сохранить в составе рейха Эльзас-Лотарингию, Люксембург, Австрию, Судетскую область Чехословакию и значительную часть Польши. Несмотря на определенную обоснованность предложений признать право Германии на исторически принадлежавшие ей или просто спорные территории, шансов на их удовлетворение у побежденной стороны не было. Тайные контакты с союзниками не принесли результата.

Но Альфред Розенберг не отступал от своей позиции. Выступая 1 марта 1945г. с последней речью, посвященной «новой Европе», перед представителями партийных и государственных органов, вооруженных сил и научных кругов, он заявил, что европейская революция нерасторжимыми узами связана с судьбоносной борьбой немецкого народа и может победить только с победой рейха. Розенберг предупредил тех европейцев, которые, как он сказал, выступают про-

тив «старой Европы» на стороне антигитлеровской коалиции, что история когда-нибудь предъявит счет тем, кто вопреки «взаимным законам жизни и традициям» не содействовал сожительству народов европейского континента.

Высмеивая обреченную стойкость Розенберга, противившегося упразднению восточного министерства, Геббельс писал: «По тем же причинам я мог бы создать какое-нибудь Западное или Южное министерство». Министр пропаганды записал в дневнике, что подобные утверждения отражают потерю реальности радикальными кругами в национал-социализме и несколькими сверхинтеллектуальными лицами, которые «впали в нирвану». 8 апреля в газете СС «Das schwarze Korps» появилась статья, в которой признавалось военное поражение рейха, но утверждалось, что национал-социалистические идеи сохранятся при любых обстоятельствах. На этом завершились усилия планировщиков «новой Европы» из третьего рейха.

С течением времени после войны, сквозь нагромождение программ и расчетов разнообразных сил проступала картина вероятного будущего Европы. Исторически выявленная тенденция к объединению континента основывается на ряде положений, имеющих непреходящую ценность независимо от источника их происхождения. История знает немало примеров глубоких и верных идей, которым не суждено было реализоваться в близкой перспективе. И всегда существовали планы, казавшиеся реальными, но не имевшие шансов на воплощение из-за компромиссов, не устраивающих стороны.

Континентальные программы немецких биополитиков, если убрать из них ряд острых формулировок, как дань времени, /«расово-биологический фактор», «новый европейский порядок» и т.п./ обнаруживают солидную научно-историческую основу, что подтверждают принципиальные терминологические и смысловые заимствования, сделанные у них разработчиками послевоенных планов объединения Европы. Но нуждается ли в доказательстве право исторически сложившегося сообщества европейских народов на самостоятельный образ жизни, без вмешательства чужеродных сил, представляющих другие ареалы расселения?

Между тем, либерализованной Европой в XXI веке готовятся управлять международные организации, представляющие космополитические группы, не имевшие корней в европейской почве. В этот исторический фон органически вписались довоенные предложения Риббентропа и Функа, за чьими спинами стояли финансово-промышленные круги Германии, нажившиеся на войне не меньше, чем их американско-английские коллеги. Эти лица в совершенстве владели низким искусством извлекать огромные деньги из массовых народных бедствий, начиная с «организатора германской экономики» Ялмара Шахта /1877-1970/.

Поскольку именно они диктовали «прагматикам» в нацистском руководстве предложения союзникам о послевоенном объединении Европы, следует кратко описать их деятельность при национал-социализме.

Уже в начале 20-х годов Шахт был одним из крупнейших банкиров Германии. Одновременно он представлял в стране американскую финансовую корпорацию Моргана, закулисные связи с которой не порывал во время второй мировой войны /!/. С 1930г. Шахт обеспечивал поддержку НСДАП немецкими монополистами, а через два года инициировал петицию промышленников и банкиров Германии президенту Гинденбургу с требованием назначить Гитлера рейхсканцлером. Сразу после прихода к власти нацистов он занял пост президента Имперского банка и быстро установил полный контроль над кредитной системой страны. В 1934г., возглавив министерство экономики, Шахт по своей инициативе взялся осуществлять «экономическую подготовку к войне» и год спустя с согласия фюрера стал генеральным уполномоченным по военной экономике. Заложив основы германской военной промышленности, он внезапно, за три года до начала войны в Европе начал протестовать против военно-политических мероприятий нацистской партии, которые во многом сам вызвал к жизни /!/. К январю 1942г Шахт был уволен со всех постов, а в июле 1944г. арестован и содержался в концлагерях до конца войны. Взятый под стражу американцами в Австрии, он предстал перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге, был оправдан /!/ и освобожден в сентябре 1948 года. До сих пор закрытые протоколы Трибунала союзников скрывают подробности этой истории, несомненно, подтверждающей участие международного пула банкиров в «заговоре против мира».

Под стать Шахту были другие крупные фигуры, финансировавшие войну и нажившиеся на индустрии вооружений. Осужденные международными судами после войны, они все были освобождены к 1951 году и заняли высокие места в экономической иерархии ФРГ.

Виднейший германский монополист Фридрих Флик /1883-1972/ основой капитал составил в первую мировую войну и во время послевоенной инфляции, спекулируя на трагедии своих соотечественников. Он поддерживал нацистское движение с начала 30-х гг. и вошёл в категорию «фюреров военной экономики» /1938/. Укрепил крупнейший сталелитейный концерн «Фридрих Флик» за счет конфискации еврейских заводов и установления контроля над металлургическими предприятиями в оккупированных странах, используя труд 50-ти тысяч иностранных рабочих. Член НСДАП с 1937г., Флик входил в ближайшее окружение Гитлера, оказывая огромное влияние на экономическую политику нацистов. В 1947г. на процессе Американского военного трибунала по делу руководства концерна его приговорили к семи годам тюрьмы и конфискации имущества. В

январе 1951г. всех шестерых главных лиц освободили. Через четыре года Флик контролировал около тысячи компаний, восстановив разделенный на множество мелких предприятий концерн, и стал богатейшим человеком в Германии.

Барон Густав Крупп /1870-1950/ во время первой мировой войны полностью переориентировал свои предприятия на нужды военной экономики. То же самое он произвел в преддверии новой войны в 1933г., став первым промышленником Германии в области тяжелой индустрии и вооружений. На гигантских заводах концерна «Фридрих Крупп», включая военный завод в Освенциме, широко использовался труд военнопленных и узников концлагерей. Трибуналом в Нюрнберге освобожден от ответственности «по состоянию здоровья».

Его сын Густав Крупп /1907-67/, штандартенфюрер СС и президент «Фонда Адольфа Гитлера», с 1943г. руководил концерном отца, а до этого возглавлял Имперский совет вооружений и руководил Имперским объединением угля и стали. После войны Международный трибунал отклонил попытку обвинения отности Круппа к главным военным преступникам и приговорил его к одному году тюрьмы. В 1951г. освобожден и вновь встал во главе своего концерна, добившись отмены постановления о его разукрупнении.

Крупный банкир с высоким авторитетом в финансовых кругах Германии Курт фон Шрёдер /1889-1966/ в январе 1933г. организовал в своем доме встречу Папена с Гитлером, завершившуюся компромиссом правящей верхушки с нацистской партией. Он состоял членом НСДАП, имел чин генерал-майора СС и был главой Объединения частных банков Германии. Шрёдера, причастного к конфискации еврейского имущества, арестовали в 1945г. и через два года осудили на три месяца /!/ заключения.

Примером субъективного правосудия союзников может служить судьба директора Имперского банка Эмиля Пуля /1939-45/. С 1942г. Пуль непосредственно курировал поступления на секретный счет СС золота и драгоценностей, изъятых у узников концлагерей, в том числе зубные протезы. Несмотря на тяжесть предъявленного обвинения, его приговорили к пяти годам заключения, из которых Пуль отбыл меньше половины. Вскоре после освобождения он вошел в руководство многих фирм и банков ФРГ.

Самую одиозную биографию с точки зрения обвинения имел член НСДАП с 1927г. Вильгельм Кепплер /1882-1960/ – ведущая фигура в управлении химической промышленностью Германии. В 1931г он создал «Группу Кепплера», преобразованную затем в «Кружок друзей рейхсфюрера СС» /в него входил ряд ведущих промышленников и банкиров: Флик, Бютефиш, Шмиц, Штейнбринк и др./ . С 1933г. Кепплер в должности уполномоченного Гитлера по экономике

сыграл главную роль в организации производства синтетического каучука, волокна, дизтоплива и других материалов, имевших широкое военное применение. Он был одним из руководителей ориентированного на войну Управления по 4-х летнему плану Германа Геринга. Кеплер занимал видное место в экономических структурах СС, являясь главой нескольких фондов и предприятий, подконтрольных этой организации, и имел один из самых высоких чинов обергруппенфюрера /генерала/ СС. В 1949г. его приговорили к 10 годам заключения. Через два года Кеплера освободили благодаря ходатайству ряда влиятельных представителей деловых кругов США /!/.

Специальный трибунал в 1948г. рассматривал дело о руководстве монопольного химического концерна «ИГ Фарбениндустри», обвиненного в массовом производстве отравляющих веществ, в том числе «Циклона-Б», применявшегося в концлагерях. Концерну также вменили в вину использование на его многочисленных филиалах «рабского труда» заключенных. По этому делу проходила группа ведущих промышленников Германии. В их числе – член правления «Фарбениндустри», организатор химического производства в Освенциме Генрих Бютефиш /1894-1969/; руководитель производства ядовитых газов и заводов в Освенциме, глава комитета по боевым химическим веществам Имперского министерства вооружений Отто Амброс /р.1901. Все обвиняемые получили от 4 до 8 лет заключения, но освобождены в 1950-51 годах.

Особое место среди нацистских промышленников занимал владелец концерна «Металлургические заводы Августа Тиссена», доктор права Фриц Тиссен /1873-1951/. Один из богатейших немцев, он с 1923г. /!/ поддерживал нацистскую партию, а в 1931г. стал её членом. Именно Тиссен за два года до прихода к власти НСДАП организовал встречу Гитлера с крупными промышленниками Германии, обеспечив финансовую поддержку нацистской партии. В 1933-34гг. Тиссен был ведущим экономическим экспертом правительства и депутатом рейхстага, но затем «разочаровался» в национал-социализме и в 1939г. эмигрировал за границу. После войны он проявил себя сторонником либерального устройства Европы.

Милостивое отношение юстиции победителей к организаторам промышленной эксплуатации Европы контрастировало с серией жестоких приговоров, вынесенных представителям национальной идеологии, часто в нарушение основ международного права. Достаточно привести примеры убийства философа Эрнста Крика в американском концлагере, казнь по приговору Нюрнбергского трибунала, как «главного военного преступника», издателя и публициста Ю. Штрайхера – малозначительную фигуру в рейхе, казнь руководителя «Аненэрбе», учёного Вольфрама Зиверса. В этом же ряду – долгие годы запрета на профессиональную деятельность видных немецких ученых, писателей и пред-

ставителей других искусств, чья вина заключалась в том, что они служили отечеству при национал-социализме.

В архивах американских военных трибуналов, содержащих исключительно богатые сведения о многосторонней деятельности нацистского государства, наибольший интерес представляют процессы против промышленных групп Германии. «Судебные дела»: №5 /Флик и др./, №6 /директора ИГ Фарбениндустри»/, №10 /Круп/ проливают свет на запутанные и сложные связи между национал-социализмом и крупнейшими промышленными компаниями Запада. Изучение этих источников подводит к выводу о целеустремленной политике подлинных творцов европейской истории XX века, связавших её различные периоды в единую цепь трагических событий.

Не удивительно, что все бывшие бонзы нацистской экономики великолепно вписались в новые политические структуры. Главный принцип их деятельности остался прежним: никакого идеализма, прежде всего – выгода! Это вполне устраивало международных конструкторов послевоенной Европы. Их усилиями, исполняя обязательные для всех юридические процедуры, европейские правительства широко открыли свои страны кочующим афро-азиатским массам – худшей части оседлых народов обоих континентов, мотивируя это, прежде всего, финансово-экономическими выгодами. Сплоченные и пренебрегающие чуждыми для них традициями, неприхотливые на первых порах чужеземцы быстро перестают довольствоваться малым и, благодаря своей плодовитости, постепенно меняют демографический облик Европы. Этот процесс грозит европейским странам утратой политической самостоятельности, так как управлять со стороны хаотической смесью народов гораздо легче, чем объединением культурных наций. Тогда европейцам придётся вспомнить урок, с муками для всех преподанный немецкими биополитиками либеральной Европе.

---

**Библиотека Велесова Слобода, 2008 г.**